

**МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

Зайков Петр Мефодьевич

**ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ
В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ
(грамматические категории лица-числа,
времени и наклонения)**

10.02.07. Финно-угорские и самодийские языки

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Йошкар-Ола 1997

148205к

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор Дубровина З.М.
доктор филологических наук профессор Исанбаев Н.И.
доктор филологических наук профессор Андуганов Ю.В.

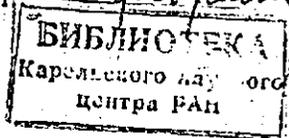
Ведущая организация - Карельский государственный педагогический университет (кафедра карельского и вепсского языков)

Защита состоится 4го апреля 1997 г. в 14 час. на заседании диссертационного совета Д 064.44.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Марийском государственном университете (424000, Йошкар-Ола, ул.Пушкина, 30).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Марийского государственного университета по адресу: Йошкар-Ола, ул.Пушкина, 30.

148205к

Автореферат разослан 27го февраля 1997 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук доцент *Валитов* Г.Н.Валитов

Общая характеристика работы

Настоящее исследование "Глагольное словоизменение в карельском языке" проводилось в рамках плановой темы сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН "История и современное состояние прибалтийско-финских языков Республики Карелия и сопредельных областей". Работа посвящена изучению системы глагольного словоизменения в диалектах карельского языка, распространенного как на территории Карелии, так и за ее пределами (Тверская, Ленинградская и Новгородская области Российской Федерации).

Актуальность темы связана с необходимостью системного исследования грамматических категорий в диалектах карельского языка, важностью теоретического осмысления накопленных языковых фактов, уточнения принятых в прибалтийско-финском языкознании трактовок и положений, а также с возрастающей потребностью изучать грамматический строй карельского языка, до недавнего времени не имевшего письменных традиций. До сих пор отсутствует научно обоснованная и теоретически осмысленная "Грамматика карельского языка", на основе которой можно было бы приступить к публикации школьных и вузовских учебников по карельскому языку. Данная работа является первой попыткой представить целостную картину функционирования грамматических категорий лица-числа, времени и наклонения глагола в карельском языке как с позиции современного состояния, так и истории их развития.

Целью исследования является анализ глагольного словоизменения и установление основных тенденций в развитии глагольной парадигмы в диалектах карельского языка. Исходя из названной цели, определяются следующие конкретные задачи исследования:

- 1) определить инвентарь морфологических формантов в выражении названных выше грамматических категорий,
- 2) дать их характеристику с позиции современного состояния и истории развития,
- 3) установить иерархию отношений между исследуемыми грамматическими категориями,
- 4) охарактеризовать междиалектные сходства и различия в системе глагольного словоизменения карельского языка,

5) выявить основные тенденции развития категорий лица-числа, времени и наклонения в исследуемом языке.

Достижение поставленных задач осуществляется посредством различных приемов и методов лингвистического анализа языковых фактов. Анализ глагольного словоизменения карельского языка построен преимущественно на синхронном и сравнительно-сопоставительном методах исследования. Тем не менее в работе активно используется сравнительно-исторический метод, позволяющий объяснять отдельные грамматические аномалии живых диалектов и определять тенденции развития тех или иных морфологических категорий. Классификация и последующая интерпретация грамматических аффиксов осуществляются также дистрибутивным методом.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые системному исследованию подвергаются глагольные словоизменительные категории на материале всех диалектов карельского языка. Решаемые в исследовании проблемы могут быть отнесены к ранее не исследованным и малоизвестным.

Источниками исследования послужили, прежде всего, полевые материалы, собранные автором в течение последних двенадцати лет. Они представляют собой парадигмы глаголов, записанные от руки (около 3 тысяч парадигм), а также магнитофонные записи, сделанные от респондентов-носителей практически всех диалектов карельского языка. Часть этих записей по севернокарельским диалектам расшифрована автором и опубликована в сборнике "Näytteitä karjalan kielestä - Образцы карельской речи. I. Joensuu - Петрозаводск, 1994 (с.29-85). Помимо того, в диссертации использованы различного рода тексты на карельском языке, опубликованные как зарубежными (Genetz A., Leskinen E., Virtaranta P., Palmeos P., Kukkk T., Oispuu J.), так и отечественными языковедами (Макаров Г.Н., Рягоев В.Д., Баранцев А.П., Федотова В.П., Пунжина А.В.). В работе использованы также словари карельского языка: Karjalan kielen sanakirja (I-IV), Словарь карельского языка (1990, 1994).

Теоретической основой диссертации явились труды отечественных и зарубежных лингвистов как по теории грамматических категорий, так и по проблемам словоизменения. В число основных вошли, прежде всего, работы по финно-угроведению и прибалтийско-финскому языкознанию как описательного, так и сравнительно-исторического характера.

Диссертация имеет теоретическую и практическую значимость. Системное исследование глагольного словоизменения, обобщение и осмысление лингвистических фактов в синхроническом и диахроническом аспектах позволят говорить о качественно новом уровне изученности карельского языка. Это, в свою очередь, даст возможность ввести новые данные в исследования по прибалтийско-финскому и финно-угорскому языкознанию. Практическая значимость диссертации состоит в возможности использовать новые данные при написании академической грамматики карельского языка, специальных курсов по морфологии, истории и диалектологии карельского языка. Помимо того, результаты исследования чрезвычайно важны для становления норм карельского письменного языка, который в настоящее время активно преподается в школах, средних специальных и высших учебных заведениях Республики Карелия.

Диссертация была обсуждена и одобрена на заседании сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Результаты работы освещены в 24 публикациях общим объемом около 50 учетно-издательских листов.

Основные положения диссертации прошли апробацию на следующих научных конференциях и конгрессах: VI Международный конгресс финно-угроведов (г.Сыктывкар, 1985), XVI Всесоюзная финно-угорская конференция (г.Устинов, 1987), VII Международный конгресс финно-угроведов (г.Дебрецен, 1990), VIII Международный конгресс финно-угроведов (г. Ювяскюля, 1995), Конференция "Колтта-саамы, карелы и сету" (г.Куопио, 1995), Конференция "Карельский этнос: история и перспективы развития" (г.Олонец, 1996), Юбилейная научная конференция "50 лет Карельскому научному центру Российской Академии Наук" (г.Петрозаводск, 1996).

Структура работы и ее содержание

Диссертация состоит из предисловия, введения, трех глав, заключения, списка цитируемой литературы и приложения.

В предисловии дается общая характеристика работы, определяются методы лингвистического анализа и источники исследования.

Введение состоит из трех разделов. В первом из них рассматриваются теоретические положения, касающиеся проблемы грамматической категории, способов ее определения и анализа.

Грамматическая категория понимается как совокупность противопоставленных друг другу грамматических форм с однородным значением, как единство известного семантического содержания и системы грамматических средств его выражения (Бондарко А.В., Буланин Л.М. 1967, 4). В исследуемом языке грамматическая категория представлена всегда многочленной парадигмой. Так, изъявительное наклонение, не имеющее в карельском языке специального суффикса, выделяется потому, что оно противопоставлено повелительному, условному и возможностному наклонениям. Презенс изъявительного наклонения, также не имеющий своего маркера, выделяется в силу того, что противопоставляется имперфекту, перфекту и плюсквамперфекту, которые являются морфологически выраженными категориями времени. Минимальным дифференциальным признаком плана выражения грамматической категории служит показатель или маркер словоформы, при определении которого необходимо учитывать вертикальную и горизонтальную оси. В первом случае рассматривается система форм одного слова, причем постоянной величиной является основа слова, а переменной - система словоизменительных формативов, напр.: *kuču-n, t, mma ~ mmo ~ mme, tta ~tto ~tte* 'я зову, ты зовешь, мы зовем, вы зовете'. Во втором случае постоянной величиной является маркер, а переменной - лексическая основа слова, напр.: *kuču-n, vie-n, haravoiče-n* 'я зову, отнесу, сгребу' (см.: Гухман Н.М. 1968, 126).

Выделение грамматической категории слова в качестве объекта исследования предполагает разграничение форм словоизменения и словообразования, что является обязательным из-за нетождественности их положений в языке. Формами словоизменения являются такие, которые служат для выражения различных отношений данного слова к другим словам в предложении, к моменту речи, к лицу говорящего и т.д. Словоизменение охватывает такие случаи, когда лексическое значение остается неизменным, а реляционное меняется. У глаголов таковыми являются формы лица-числа, времени, наклонения, формы причастий и инфинитивов. Под формами словообразования понимаются формы, служащие для образования от одного корня различных основ как выразителей различных понятий (Кузнецов П.С. 1961, 41). Так, в ка-

рельском языке каузативные, континуативные, инхоативные, транслативные формы глаголов являются формами словообразования. Тем не менее связь между словоизменительными и словообразовательными формами глагола, по крайней мере в прибалтийско-финских языках, является тесной. Известно, что в истории названных языков одно и то же структурное средство в один период развития является словообразовательным, а в другой - служит словоизменению.

По характеру словоизменения изменяемые части речи разделяются на склоняемые и спрягаемые. Склоняемыми являются имена: существительные, прилагательные, числительные и местоимения. Все они изменяются по падежам. Глаголы же изменяются по лицам-числам, временам и наклонениям. Эти формы глагола называют финитными. Инфинитные же формы глагола (причастия и инфинитивы) по лицам-числам, временам и наклонениям не изменяются. Объектом исследования реферируемой диссертации являются только финитные формы глагола карельского языка.

Перед лингвистом, исследующим ту или иную сторону грамматической структуры языка, всегда встает вопрос: необходимо ли при синхронном исследовании "забыть" о его истории. В действительности язык не является застывшей системой, в нем существуют нарождающиеся явления, наряду с теми, которые воспринимаются уже устаревшими. В любом живом языке есть исключения из общих правил, которые иначе как с исторической точки зрения объяснить невозможно. Исследователь должен попытаться не только объяснить то или иное исключение, но и показать ход развития языкового явления, а также возможную перспективу. При исследовании грамматических категорий важно также уделять внимание продуктивным и непродуктивным формам, поскольку и теми, и другими может свободно выражаться одно и то же грамматическое значение. Так, например, в диалектах карельского языка формы 3 лица множественного числа презенса и имперфекта изъявительного наклонения, типа *las(k)etah* 'они отпускают' и *las(k)ettih* 'они отпустили', являются в настоящее время продуктивными и широко распространенными. В свою очередь, соответствующие формы, типа *laskieh* и *laskeih*, с тем же грамматическим значением являются сейчас непродуктивными. Они редко употребляются и чаще всего встречаются в речи людей старшего поколения. Тенденция развития такова, что последние формы глагола из языка исчезают и замещаются первыми.

Второй раздел введения посвящен истории исследования глагольного словоизменения в карельском языке. Начало научного изучения карельского языка связано с именем замечательного финского языковеда А.Генетца. Его "Исследование о языке Русской Карелии" (Genetz A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä, 1880) посвящено описанию собственно-карельского наречия. Несмотря на то, что раздел "Спряжение" написан в сжатом виде (с.211-240), в нем приводятся наиболее важные сведения по глагольному словоизменению, которые иллюстрируются довольно полными парадигмами глаголов. "Исследование языка олонецких карел" А.Генетца (Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä, 1885) представляет собой описание ливвиковского наречия карельского языка. Раздел по спряжению глагола занимает значительно меньший объем, чем в предшествующей работе (с.164-179). Автор обращает особое внимание на различия ливвиковского и собственно-карельского наречий. Наиболее важными особенностями первого, отмечает А.Генетц, являются: совпадение лично-числовых окончаний 1 и 2 л.мн.числа презенса и соответствующих окончаний имперфекта, особые формы пассива императива, претерита кондигционала на *-nuzi (-nnuzi)*, параллельное употребление форм типа *lähtetäh, lähtiäh ~ lähtieh, lähtietäh* 'они пойдут', отсутствие имперфектных форм, в которых отсутствовал бы суффикс *-i*, и др. Работа А.Генетца "Северные авангарды вепсов" (Genetz A. Wepsän pohjoiset etujoukot, 1872) является кратким описанием языка людиков. Раздел по глагольному спряжению изложен на четырех страницах, где отмечаются наиболее характерные особенности людиковского наречия. Самим названием работы автор подчеркивает особое положение людиковского наречия, в котором имеется значительное количество черт, присущих вепсскому языку. Перечисленные выше исследования А.Генетца по карельскому языку многие годы оставались наиболее авторитетными и хрестоматийными, дававшими общее представление о трех наречиях карельского языка. В них делаются интересные замечания исторического характера, которые подтвердились и нашли объяснение в более поздних исследованиях.

В период младограмматизма основное внимание финно-угроведов направлено на исследование фонетического строя языка и вопросов исторической фонетики. В этот период публикуется ряд монографий подобного характера на материале карельского языка. Они представляют для нас определенный инте-

рес, поскольку, как известно, развитие морфологического строя языка находится в прямой зависимости от развития его фонетико-фонологической системы. К таким исследованиям относятся: Х.Оянсуу "Историческая фонетика олонецкого наречия карельского языка" (Ojansuu H. Karjala-Aunuksen äännehistoria, 1918), Э.Лескинэн "Вокализм тулмозерского диалекта" (Leskinen E. Tulmajarven murteen vokalismi, 1933), Т.Лильеблад "Консонантизм тунгудского диалекта" (Liljeblad T. Tunkuan murteen konsonantismi, 1931), Х.Лескинэн "Историческая фонетика диалектов северо-западного Приладожья. I. Согласные." (Leskinen H. Luoteis-Laatokan murteiden äännehistoria. I. Konsonantit, 1963), А.Турунен "Историческая фонетика людиковских диалектов. I. Согласные; II. Гласные." (Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit, 1946; II. Vokaalit, 1950).

В отечественном языкознании начало исследованию карельского языка было положено Д.В.Бубрихом. Под его руководством в 1930-е годы шел интенсивный сбор материала по диалектам карельского языка, в результате чего был составлен "Диалектологический атлас карельского языка". В этот же период предпринимается первая попытка создания карельской письменности и единого карельского языка. Появляются первые нормативные грамматики, представляющие для нас определенный интерес, поскольку в них отражены наиболее характерные черты, присущие всем диалектам карельского языка. Отметим здесь "Граматику карельского языка" Д.В.Бубриха (1937) и "Карельской кизлен грамматику" Н.А.Анисимова (1939). Тогда же в Финляндии публикуется "Грамматика карельского языка" Э.В.Ахтия (Ahtia E.V. Karjalan kielioppi, 1936), написанная с опорой на ливвиковское наречие. Позднее, в послевоенный период, в сферу исследований ученых попадают разные диалекты карельского языка. А.А.Беляков опубликовал относительно большую статью "Морфологическая система собственно-карельского наречия (калининское наречие)" (1954), в которой рассматриваются отдельные вопросы исторической морфологии карельского языка, связанные со следующими проблемами: 1) активизация пассивных форм; 2) употребление слабых и сильных признаков пассива ТТА и ТА; 3) влияние форм 1 и 2 л.мн.числа презенса на соответствующие формы имперфекта. П.Пальмеос опубликовала монографию "Валдайский диалект карельского языка" (Palmeos P. Karjala valdai murrak, 1962), в которой отражены наиболее важные

особенности одного из ныне исчезающих диалектов. В монографии В.Д.Рягоева "Тихвинский говор карельского языка" (1977) морфологический строй описывается с позиций частей речи со всеми присущими им грамматическими категориями. Глагольное словоизменение является объектом специального рассмотрения в диссертациях на соискание ученой степени кандидата филологических наук Я.Ыйспуу "Система словоизменения в южнокарельских периферийных говорах" (1985) и Е.Л.Адель "Система глагольного словоизменения паданского говора карельского языка" (1995). В первой из них анализируются структура глагольной парадигмы, грамматические категории глагола и словоизменительные типы. Во второй исследуются как финитные, так и инфинитные формы глагола на материале малоизученного паданского диалекта карельского языка.

В третьем разделе введения рассматривается проблема диалектного членения карельского языка. Отмечается, что деление карельского языка на три наречия (собственно-карельское, ливвиковское и людиковское) фактически было определено упомянутыми выше работами А.Гонетца. Позднее знания о диалектах карельского языка расширились, благодаря исследованиям по исторической фонетике, а также описаниям отдельных диалектов и публикациям текстов на различных диалектах, которые осуществлялись в Финляндии и в нашей стране. Как уже отмечалось, в предвоенные годы в Карелии шел интенсивный сбор материала по диалектам карельского языка. Для этого в 1937 году Д.В.Бубрих составляет "Программу по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка", которая включала в себя около двух тысяч вопросов. Она была заполнена в 150 населенных пунктах, и уже в следующем году были составлены пробные карты атласа (Керт Г.М. 1975, 25). На основании анализа собранного материала Д.В.Бубрих делает следующие выводы: 1) карельский язык является самостоятельным прибалтийско-финским языком, а не диалектом финского языка, как в то время считали отдельные ученые и политические деятели; 2) карельский язык содержит три наречия: собственно-карельское (в Средней и Северной Карелии, а также в Калининской и соседних областях), ливвиковское (у восточного побережья Ладожского озера и дальше вглубь Олонечьего перешейка) и людиковское (узкой полосой вдоль восточного края ливвиковского наречия; недалеко от Онежского озера). Эти наречия разбиваются на диалекты, а те, в свою очередь, на говоры. Ливвиковское и людиковское наречия

относительно близки друг другу и оба резко противостоят собственно-карельскому (Бубрих Д.В. 1948, 47). Язык ливвиков и людиков возник в результате длительного контакта с вепским языком; что наиболее ощутимо проявляется в людиковском наречии. Д.В.Бубрих приходит к выводу, что в прошлом ливвиковское и людиковское наречия были диалектами вепского языка, а ливвики и людики являются окарелившимися вепсами. Языковые данные Д.В.Бубрих переносит в сферу этнической истории карел, полагая, что предками собственно карел было племя Корела, а ливвиков и людиков - новое этническое образование, возникшее в результате смешения карел и вепсов (Бубрих Д.В. 1947, 46). Это открытие Д.В.Бубриха во многом подтвердилось более поздними исследованиями. Терхо Итконен прямо пишет о том, что "ливвиковские т.н. "некарельские" особенности относятся в большинстве случаев к особенностям вепского языка и к нему примыкающего людиковского наречия. Можно даже сказать, что сложно найти в ливвиковском наречии такие фонетические и морфологические особенности, которые не имели бы параллелей либо в собственно-карельском наречии, либо в вепском языке и людиковском наречии" (Itkonen Т.1971,153). П.Аристэ отмечает, что в ливвиковском наречии и в настоящее время существует мощный вепский субстрат, который объясняется тем, что пребывавшие некогда на территории между Ладожским и Онежским озерами вепсы стали впоследствии карелоязычными (Ariste Р.1956,19). Х.Лескинен видит три возможных пути решения происхождения ливвиковских диалектов: 1) ливвиковское наречие отделилось от древнекарельского довольно рано, возможно, намного раньше, чем диалект Саво; 2) ливвиковское наречие следует рассматривать как один из диалектов древнекарельского языка, на которое впоследствии оказал сильное влияние вепский язык. Не исключено, однако, что ливвики первоначально были смешанным карело-вепским этносом, который с территории Волхова-Ояти распространялся на восточное побережье Приладожья; 3) весь Олонечьий перешеек первоначально был заселен вепсами. Позднее западная его часть подверглась карельской экспансии. Людиковский ареал был бы, таким образом, последним бастионом некогда единой и широко распространенной территорией проживания вепсов. Влияние вепского языка на ливвиковское наречие, не говоря о людиковском, отрицать невозможно (Leskinen Н.1963, 12).

Проблема диалектного членения карельского языка исследуется в статье П.Виртаранта "Диалекты карельского язы-

ка" (Virtaranta P. 1972). В ней рассматриваются наиболее характерные черты наречий, групп диалектов и отдельных диалектов. Опираясь на данную статью, а также на другие ранее опубликованные исследования, равно как и на собственные изыскания, в диссертации приводятся схема наречий и диалектов карельского языка, а также схематические карты. Если ливвиковское и людиковское наречия расположены достаточно компактно, то территория распространения собственно-карельского наречия довольно обширна. Отчасти по этой причине, а также в силу особенностей исторического характера, в этом наречии различают несколько групп диалектов, обладающих своими грамматическими особенностями, которые проявляются на всех языковых уровнях. Так, некоторое единство представляют собой севернокарельские диалекты, расположенные в северных районах Карелии. Южнокарельские диалекты собственно-карельского наречия, функционирующие в т.н. средней Карелии, также удобно рассматривать отдельно, поскольку и в них существуют только им присущие особенности. Южнокарельские диалекты, распространенные за пределами Республики Карелия, называем вслед за Я.Ыйстуу южнокарельскими периферийными диалектами (Ыйстуу Я. 1985). Далее в диссертации приводятся фонетические и морфологические особенности, присущие наречиям, группам диалектов и отдельным диалектам, подтверждающим правильность приведенного диалектного членения карельского языка.

Глава 1. Грамматическая категория лица-числа

Категория лица-числа представляет собой систему грамматических форм, выражающих отношение действия к говорящему, адресату и к "3 лицу", т.е. к субъекту, который не является ни говорящим, ни адресатом. Эти отношения выражаются в языке, прежде всего, глагольными формами. Грамматическая категория лица-числа наиболее полно представлена в изъявительном наклонении глаголов. Посредством личных окончаний в ливвиковском и людиковском наречиях различаются шесть личных форм: 1, 2, 3 лица единственного и множественного числа. В собственно-карельском же наречии, за исключением мяндусельгского, тихвинского и весьегонского диалектов, существуют особые личностно-числовые окончания 1 и 2 л. мн. числа имперфекта, отличные от соответствующих окончаний презенса. Таким образом, в на-

званном наречии личными окончаниями различаются восемь личных форм глагола. В возможностном наклонении простая временная форма представлена только презенсом, поэтому в нем количество лично-числовых форм глагола равняется шести. В сослагательном наклонении в формах 3 лица лично-числовые окончания отсутствуют, поэтому здесь выступает только четыре лично-числовые формы глагола. В повелительном наклонении лично-числовые окончания кардинально отличаются от окончаний других наклонений, поэтому они будут рассматриваться отдельно в связи с анализом императива.

Окончанием 1 л. ед. числа в карельском языке является *-n*, напр.: *kuču-n* 'я зову', *söi-n* 'я ел', *kaččosi-n ~ kaččözi-n* 'я смотрел бы', *tuo(n)ne-n* 'возможно, я принесу'. Исключением является тихвинский диалект, где в изъявительном наклонении названное окончание вокализировалось, перейдя в предшествующий ему гласный. При этом гласный приобретает дополнительный признак назализованности, напр.: *muissaa* 'я помню'. В формах презенса произошел, таким образом, переход $n > \underline{V}$, где под V скрывается любая из восьми гласных фонем карельского языка. В имперфекте изъявительного наклонения этим гласным может быть только *i*, напр.: *läksi-j* 'я пошел'.

Окончанием 2 л. ед. числа является *-t*, напр.: *kačo-t* 'ты смотришь', *juoksi-t* 'ты бежал', *kasvasi-t ~ kasvazi-t* 'ты рос бы', *vie(n)ne-t* 'возможно, ты отнесешь'. Оба названных окончания восходят к соответствующим личным местоимениям, которые в течение длительного периода сократились до начального согласного, перейдя в первом случае в другой согласный: $-n < *m < *mi < minä$ 'я', $-t < *ti < *tinä (> sinä$ 'ты').

Наиболее распространенным лично-числовым окончанием 3 л. ед. числа презенса изъявительного и возможностного наклонений является *-u/ü*, напр.: *tulo-u* 'он придет', *lähtö-ü* 'он пойдет', *polt(t)anno-u* 'возможно, он сожжет', *lükännö-ü* 'возможно, он толкнет'. В южнокарельских периферийных диалектах и в людиковском наречии заднерядный алломорф *-u* выступает в глаголах как с переднерядной, так и заднерядной огласовкой, напр.: (Весьегонск) *süö-u, süönnö-u* 'он ест; возможно, он ест', (Галезеро) *virittä-u, virittännö-u* 'он зажжет; возможно, он зажжет'. Следует, однако, отметить, что в южнокарельских периферийных диалектах, а также отчасти в ливвиковском наречии более типичным в этих случаях является окончание *-w*, которое представляет собой по-

лугласный звук, находящийся между *v* и *ü*, напр.: *pagizo-w* 'он говорит', *elä-w* 'он живет'. Наряду с этим окончанием может выступать также *-v*, напр.: *jiä-v*, *lienö-v* 'он останется, придет'. Согласный *v* первоначально входил в состав слабоступенного **-vi*, чередующегося с **-pi*, которые изначально не были личными окончаниями 3 л.ед.числа презенса, а являлись признаками презенса (Hakulinen L. 1979, 251). Окончание же *-u* восходит к *v* (< **-vi*). Переходной ступенью этого развития был *w*, т.е. *-u* < *-w* < *-v* < **-vi*. В диалектах карельского языка к односложной основе глагола может также присоединяться окончание *-pi*, *-bi*, а к многосложной *-vi*, напр.: (с.-кар.) *šüö-pi*, *käü-bi*, *liehupou-vi*, *aja-vi* 'он ест, ходит, плещется, едет'; (ливв.) *voi-bi*, *lüö-bi*, *menpöü-bi* 'он может, бьет; возможно, пойдет'. В ребольском и весьегонском диалектах в данных случаях может выступать окончание *-ppi*, напр.: (Реболы) *šoa-ppi*, *käü-ppi*, *tulou-ppi* 'он получит, сходит, придет'; (Весьегонск) *voi-ppi* 'он сможет'. Окончание *-ppi* возникло в результате контактиации двух окончаний: *-v* и *-pi*, т.е. *-ppi* < **-vpi* (см.: Genetz A. 1880, 214).

В отдельных случаях в собственно-карельском и ливвиковском наречиях окончаниям 3 л.ед.числа презенса изъявительного наклонения могут быть *-o/ö*, *a/ä*, появившиеся в результате полной ассимиляции окончания *-u/ü* со стороны предшествующего ему гласного, принадлежащего основе глагола, напр.: *tulo-o* < *tulo-u* 'он придет', *mänö-ö* ~ *menö-ö* < *mänö-ü* ~ *menö-ü* 'он уйдет', *ruata-a* ~ *ruada-a* < *ruata-u* ~ *ruada-u* 'он работает', *löütä-ä* ~ *löüdä-ä* < *löütä-ü* ~ *löüdä-ü* 'он найдет'.

В большинстве диалектов собственно-карельского наречия к односложным глагольным основам, оканчивающимся на дифтонг *ui*, *üi*, *oi*, *öi*, может присоединяться окончание *-t*, напр.: (*hiän*) *pui-t*, *voi-t*, *löi-t*, *käü-t* 'он молотит, может, бьет, ходит'. Перед нами, по всей видимости, окончание 2 л.ед.числа, передвинувшееся в сферу 3 л.ед.числа презенса изъявительного наклонения. Необходимость такой передвижки вызвана чисто фонетическими предпосылками: если бы в этой группе глаголов присоединялось окончание *-u/ü*, то возникли бы неприемлемые сочетания трех гласных **uiu*, **oiu*, **öü*, **äüü*. Употребление *-t* одновременно в качестве окончания 2 и 3 л.ед.числа презенса было возможным потому, что названные формы, кроме своего основного значения, имеют переносное, а именно: обобщенно-личное, напр.: *loitomma panet*, *nin lähempöä löüvät* 'подальше положишь - поближе возьмешь' и

kallalla mänöü ketä vain 'на рыбалку идут кто угодно'. Подобная ситуация не ведет к смешению названных лично-числовых форм, поскольку речь идет о небольшой группе глаголов, не могущей в целом разрушить сложившуюся систему лично-числовых окончаний. Х.Оянсуу же считает, что *-t* в данных случаях передвинулось из форм II причастия актива, типа *et tuot* 'ты не принес', которые до сих пор функционируют в ребольском диалекте (Ojansuu H. 1918, 129).

В тихвинском диалекте к основе глагола, оканчивающейся на дифтонг, присоединяется окончание *-h*, напр.: *magua-h*, *jiä-h*, *hüppie-h*, *rubio-h*, *šüö-h* 'он спит, останется, прыгает, станет, ест'. Причина неприсоединения окончания *-u/ü* здесь также чисто фонетическая, так как в диалекте накладывается запрет на трифтонги. В данных случаях *-h* передвинулось из сферы 3 л.мн.числа презенса. Возможность передвижки та же, что и в предшествующем случае: формы 3 л.ед. и мн.числа употребляются в обобщенно-личном значении, напр.: *voi tulla kotih huomena* 'можно придти домой завтра' и *sielä eletäh* 'там живут'. Более того, в тихвинском диалекте *-h* стало выступать в глаголах с основой, оканчивающейся на монофтонг, напр.: *lähtö-h*, *astu-h* 'он пойдет, шагает', что говорит о расширении употребления этого лично-числового окончания.

В некоторых случаях окончание 3 л.ед.числа презенса изъявительного наклонения полностью отсутствует. Чаще всего это происходит в глаголах с основой на дифтонг, напр.: (*hiän*, *häi*) *magua*, *rubia* 'он спит, будет'. Отметим, однако, что подобных случаев обнаружено чрезвычайно мало.

Лично-числовым окончанием 1 л.мн.числа презенса изъявительного и возможностного наклонений в собственно-карельском наречии является *-mma/mmä*, напр.: *kačo-mma*, *müö-mmä*, *muruttane-mma*, *lähtene-mmä* 'мы смотрим, продаем; возможно, мы накрошим, пойдём'. Оно же является окончанием 1 л.мн.числа презенса сослагательного наклонения о подужемском, тихвинском и весьегонском диалектах собственно-карельского наречия, напр.: *kävelizi-mmä* 'мы ходили бы'. В ливвиковском наречии в простых временных формах изъявительного, сослагательного и возможностного наклонений окончанием является *-mmo/mmö*, в людиковском - *-mme*, напр.: (ливв.) *loaji-mmo*, *ajoi-mmo*, *lähtizi-mmö*, *ehtine-mmö* 'мы сделаем, мы поехали, мы пошли бы; возможно, мы успеем', (люд.) *matkada-mme*, *unohti-*

mme, lähtiäi-mme, kehtane-mme 'мы идем, мы забыли, мы пошли бы; возможно, мы пожелаем'. Исторически все эти окончания (обозначим их условно *-mmV*) восходят к **kmVk*, в котором начальный **-k* являлся признаком презенса, конечный **-k* - показателем множественного числа, а *mV* - первым слогом личного местоимения 1 л.ед.числа. Современное геминированное начало окончания 1 л.мн.числа презенса возникло в результате полной ассимиляции признака презенса **-k* в пользу *m*, т.е. **kmVk* > **mmVk*. Впоследствии конечный **-k*, являвшийся показателем множественного числа, отпал, напр.: *tule-mma* < **tule-k-ma-k* (Hakulinen L. 1979, 250).

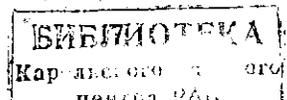
Окончания 1 л.мн.числа имперфекта изъявительного и сослагательного наклонений первоначально не могли быть геминированными, т.к. первый слог личного местоимения следовал за признаком имперфекта *-i*, т.е. *-mV* < **imVk*, напр.: *tuli-ma* < **tulimak*. Диалекты собственно-карельского наречия в большинстве своем сохранили это древнее состояние. Наиболее стабильно окончание 1 л.мн.числа имперфекта *-ma/mä* удерживается в севернокарельских диалектах. В южнокарельских же диалектах наряду с негеминированными окончаниями могут выступать и геминированные, напр.: *pezevüi-mä* - *pezevüi-mmä* 'мы умывались'. В подужемском, тихвинском и весьегонском диалектах произошло выравнивание окончаний презенса и имперфекта в пользу геминированных. То же самое произошло в ливвиковском и людиковском наречиях. Тем не менее в некоторых диалектах ливвиковского наречия обнаруживаются негеминированные окончания 1 л.мн.числа имперфекта *-mo/mö*, напр.: (Кондуши) *saimo, olimo* (ОКР 1969, 21, 25) 'мы получили, мы били', (Неккула) *juaksiimo, luajimo* (ОКР 1969, 59, 118) 'мы бежали, мы сделали', (Рыпушкалица) *tuliimo* (ОКР 1969, 59) 'мы пришли', (Видлица) *tiezimo, menimö* (ОКР 1969, 180) 'мы знали, мы ушли', (Сямозеро) *igraičiimo* (ОКР 1969, 199) 'мы играли'. Подобные, очень редкие формы имперфекта, вряд ли можно считать отражением исторически древних окончаний. Скорее всего, как справедливо отмечает Э.А.Тункело, они являются узколокальными новообразованиями, возникшими из геминированных окончаний, т.е. *-mmo/mmö* > *-mo/mö* (Tunkelo E.A. 1938, 104). Без сомнения, инновацией следует считать также формы 1 л.мн.числа презенса изъявительного наклонения с окончанием *-ma/mä* в паданском диалекте собственно-карельского наречия, напр.: *paistama, kävelemä, suulooma*

(NKK I, 176, 186, 178) 'мы печем, ходим, засолим'. Здесь, вероятно, произошло проникновение окончаний имперфекта в сферу презенса, так же как и окончания презенса проникают в сферу имперфекта. Существует, по всей видимости, процесс, имеющий два противоположных направления, что в лингвистике не такое уж и редкое явление.

Лично-числовым окончанием 2 л.мн.числа презенса изъявительного и возможностного наклонений в собственно-карельском наречии является *-tta/ttä*. Это же окончание выступает также в сослагательном наклонении подужемского, тихвинского и весьегонского диалектов, напр.: *kuču-tta* 'вы зовете', *tüönnä-ttä* 'вы отправите', *löütäne-ttä* 'возможно, вы найдете', (Подужемье) *kuččuzi-tta* 'вы позвали бы'. В ливвиковском наречии в простых временных формах изъявительного, сослагательного и возможностного наклонений окончанием является *-tto/ttö*, в людиковском - *-tte*, напр.: (ливв.) *loaji-tto, ajoj-tto, lähtiäi-ttö, ehtine-ttö* 'вы сделаете, вы поехали, вы пошли бы; вы, возможно, успеете', (люд.) *maikada-tta, unohti-tte, lähtiäi-tte, kehtane-tte* 'вы идете, вы забыли, вы пошли бы; возможно, вы пожелаете'. Исторически геминированные окончания 2 л.мн.числа возникли структурно так же, как и окончания 1 л.мн.числа презенса, т.е. *-ttV* < **ktVk* (Hakulinen L. 1979, 250).

Нетрудно заметить, что лично-числовые окончания 1 и 2 л.мн.числа в собственно-карельском наречии имеют в исходе гласные *a, ä*, в ливвиковском - *o, ö* и в людиковском - *e*. Х.Оянсуу полагает, что названные лично-числовые окончания ливвиковского наречия являются по происхождению более поздними, возникшими из окончаний *-mma/mmä* и *-tta/ttä*. Переход *-mma/mmä* > *-mmo/mmö* и *-tta/ttä* > *-tto/ttö* он считает обязательным, поскольку в противном случае невозможно доказать переход *a > u, ä > ü* в именах типа *villu* 'шерсть', *pitkū* 'длинный' (ср. с.-кар. *villa, pitkä*). В названном переходе обязательно должна была быть промежуточная ступень *a > o, ä > ö*, которая отражается в обсуждаемых лично-числовых окончаниях (Ojansuu H. 1918, 131-132; Itkonen T. 1970, 423). Окончания 1 и 2 л.мн.числа в людиковском диалекте совпадают с соответствующими окончаниями финского литературного языка. А.Турунен считает, что первоначально окончания имели в исходе гласные *a/ä*, которые под влиянием вепсского языка отпали, а затем на их месте восстановился гласный *e*, как это произошло в именах существительных и прилагательных

148205к

среднелюди́ковского диалекта, напр.: *aida > *aid* > *aide* 'забор'. В названных лично-числовых окончаниях произошло следующее развитие: **-mma* > *mm* > *mme*, **-tta* > *tt* > *tte* (Turunen A. 1950, 154-157).

Э.Итконен выдвинул предположение, что в прибалтийско-финском праязыке глаголы изменялись по трем числам: единственному, двойственному и множественному. Окончания 1 и 2 л.мн.числа с исходом на гласный *e* первоначально несли на себе функции двойственного числа: *-mme* < *men (*nen), *-tte* < *ten < (*nden) (Itkonen E. 1955, 171-172). В свою очередь, окончания с конечным *a/ä* были окончаниями множественного числа. Впоследствии двойственное число в прибалтийско-финских языках исчезло, сохранившись лишь в саамском (Itkonen E. 1955, 169-175; Hakulinen L. 1979, 250-251; Основы II, 81).

Отметим, наконец, что в держанском и михайловском диалектах в настоящее время употребляются синкопированные окончания *-mm* ~ *m*, *-tt* ~ *t*, напр.: *suamm* ~ *suam* 'мы получим', *suatt* ~ *suat* 'вы получите'. В михайловском диалекте подобные формы возникли под влиянием вепсского языка (Turunen A. 1950, 159-160).

В подавляющем большинстве диалектов собственно-карельского наречия лично-числовым окончанием 2 л.мн.числа имперфекта изъявительного и сослагательного наклонений являются *-ja/jä*, напр.: (*tüö*) *kaččo-ja*, *makasi-ja*, *mänisi-jä* 'вы смотрели, вы спали, вы пошли бы'. В паданском диалекте выступает также *-a/ä*, в валдайском - *-ie*. В глаголах с односложной лексической основой, а также в стяженных двухосновных глаголах с основой на *i*-овый дифтонг в формах 2 л.мн.числа имперфекта изъявительного наклонения выступает окончание *-tta/ttä*, напр.: *toi-tta*, *makai-tta* ~ *magai-tta* 'вы принесли, вы спали'. Окончание *-ja/jä* возникло из слабоступенного **ša/dä* (~*ta/tä*) вследствие отпадения спира́нта и передвижки суффикса имперфекта *-i* в следующий слог с одновременной переработкой в *j*, напр.: *šoattoika > *šoattoia* > *šoatto-ja* (Genetz A. 1880, 215).

Лично-числовым окончанием 3 л.мн.числа простых временных форм изъявительного и возможностного наклонений в подавляющем большинстве диалектов карельского языка является *-h*. В изъявительном наклонении окончание присоединяется к особой основе 3 л.мн.числа презенса либо имперфекта, которую также называют основой имперсонала или пассива, напр.: *avata-h* '(они)

открывают', *avatti-h* '(они) открыли'. В возможностном наклонении *-h* присоединяется к сильной основе 3 л.мн.числа презенса потенциала, напр.: *avattanne-h* 'возможно, (они) откроют'. В севернолюди́ковских и отчасти в южнолюди́ковских диалектах произошла вокализация *-h* в формах изъявительного наклонения: в презенсе *-h* > *u*, *i*, напр.: *kačota-u*, *kačotta-i* '(они) смотрят', в имперфекте *-h* > *i*, напр.: *kačotti-i* '(они) смотрели' (Turunen A. 1950, 171). По всей видимости, под влиянием люди́ковского наречия произошла вокализация *-h* в некоторых южнокарельских диалектах. В ранних записях по панозерскому и юшкозёрскому диалектам обнаруживаются формы 3 л.мн.числа презенса, в которых *-h* > *a* (*šuahe-a* '(они) получают'), и имперфекта, где *-h* > *i* (*pandi-i* '(они) положили). В современном состоянии подужемского, тунгудского, паданского и мяндусельгского диалектов вокализация *-h* приобрела устойчивый характер, напр.: *ruvetaa*, *lähetää*, *annettii*, *käveldii* '(они) начнут, пойдут, дали, ходили'. В паданском диалекте, помимо того, в возможностном наклонении *-h* > *e*, напр.: *oldanee*, *anattanee* 'возможно, (они) будут, дадут'. В тихвинском диалекте в формах 3 л.мн.числа презенса изъявительного наклонения *-h* > *a*, *ä*, в имперфекте окончание может сохраняться, напр.: *külvetää*, *kačotaa*, *lähtiitii* ~ *lähtiitiih* '(они) сеют, смотрят, пошли'. В держанском диалекте вокализация *-h* также возможна, напр.: *antaa* ~ *antah*, *itkittii* ~ *itkittiih* '(они) дают, плакали'.

Приведенные формы 3 л.мн.числа презенса и имперфекта изъявительного наклонения иногда называют пассивными, хотя они, в полном смысле этого слова, таковыми не являются. Они, конечно, похожи на пассивные формы финского литературного языка и исторически с ними связаны. Первоначально окончанием 3 л.мн.числа было **-sen*, а после гласного - **-zen* (>**-hen*). В презенсе окончание следовало за суффиксом **-k*, который закрывал слог, вызывая слабоступенность основы, напр.: *kačotah* < *kačotak-sen. В имперфекте же *-hen* следовало за суффиксом *-i*, который оставлял слог открытым и не вызывал чередования ступеней согласных основы, напр.: *kačottiih* < *kačotti-hen (Hakulinen L. 1979, 241). Позже окончание имперфекта *-hen* обобщилось и в формах презенса, а впоследствии сократилось до согласной *h*.

В диалектах карельского языка, наряду с обсуждаемыми формами типа *il(k)etäh*, *il(k)ettiih* '(они) плачут, плакали', употребляются такие, где с позиции современного состояния языка отсутствует признак, маркирующий основу 3 л.мн.числа презенса и им-

перфекта изъявительного наклонения, который также называют суффиксом имперсонала или пассива, напр.: *itkieh* ~ *itkiäh* '(они) плачут' и *itkeih* '(они) плакали'. Отметим, что подобные формы распространяются только на глаголы с лексической основой на *e*-и встречаются довольно редко, особенно в севернокарельских диалектах. Исторически в этих глаголах присутствовал так называемый слабый признак пассива **-ḍa/ḍä*, в котором впоследствии отпал спирант, и оказавшиеся рядом гласные переработались в дифтонг: *itkieh* ~ *itkiäh* < *itkeäh < *itkeähen, *itkeih* < *itkeähen* (Setälä E.N. 1899, 76).

В прошлом в прибалтийско-финских языках различали сильный и слабый признаки пассива. Первый условно обозначают ТТА, второй - ТА. Слабый признак присоединялся к односложным гласным основам, к трехсложным гласным основам, типа *haravoi-* 'сгребать', и к согласной основе двухосновных глаголов. В остальных случаях выступал сильный признак пассива, перед которым происходит чередование *a*, *ä* ~ *e*. Взаимосвязь сильных и слабых показателей пассива отмечал еще Э.Н.Сетяля, который считал, что формы с сильным признаком пассива возникли в общеприбалтийско-финский период и появились по аналогии (Setälä E.N. 1899, 76). Л.Кеттунен полагает, что оба признака пассива восходят к одному источнику: негеминированному показателю. Геминированный же ТТА возник в результате того, что слабый признак ТА присоединялся к огласной основе стяженных глаголов с исходом на *t*-. Причем подобных глаголов ранее было значительно больше, чем в настоящее время (Kettunen L. 1915, 107-112).

В современном состоянии карельского языка дистрибуция исторически сильных и слабых признаков пассива такова, что первый присоединяется к гласной основе одноосновных глаголов, за исключением односложных и трехсложных (типа *haravoi-*), слабый же - к согласной основе двухосновных глаголов. Чем же объяснить названное исключение, касающееся одноосновных глаголов? По всей видимости, односложные и упомянутые одноосновные глаголы ранее наряду с гласной основой имели также и согласную, другими словами, были не одноосновными, а двухосновными. Так, односложные глаголы, типа *vijjā*, *lūvvā*, *suaha* 'отнести, бить, получить', имели согласные основы *vij-, *lev-, *sā- и гласные основы *vije-, *leve-, *sāye- (см. Itkonen E. 1949, 34). Слабый признак пассива присоединялся в этих глаголах к согласной основе, т.е. *vijjāh* < *vijjāhen, *lūvvāh* < *levvāhen, *suahah* < *sāḍahen. Что же

касается глаголов типа *haravoiija*, то они также ранее были двухосновными, имея гласную (*haravoiče-*) и согласную (*haravoj-*) основы. Признак пассива здесь тоже присоединялся к согласной основе: *haravoiijah* < *haravoiijāhen. Позже рассматриваемые группы глаголов, бывших первоначально двухосновными, перешли в разряд одноосновных, однако изначальный закон дистрибуции сильных и слабых признаков пассива продолжал действовать. Упомянутые ранее глагольные формы *itkieh* ~ *itkiäh* и *itkeih* относятся к реликтовым, отражающим тот период истории развития прибалтийско-финских языков, когда функционирование слабых признаков пассива было более широким, чем в настоящее время, и когда они могли выступать также и после кратких гласных ударного слога (Setälä E.N. 1915, 132; Kettunen L. 1915, 108; Posti L. 1945; Rapola M. 1966, 145). Т.Лехтинен придерживается иного мнения. Он полагает, что приведенные выше реликтовые формы не являются первоначальными, а, напротив, возникли позже по аналогии. Их появление обуславливается тенденцией упростить дистрибуцию вариантов признаков пассива, причины появления которых в период позднего прибалтийско-финского праязыка стали исчезать. Это стало возможным потому, что образование пассива стало ориентироваться на формы I инфинитива (Lehtinen T. 1984, 19). В пользу данного предположения говорят существующие в карельском языке контаминированные формы 3 л.мн.числа презенса и имперфекта изъявительного наклонения, типа *itkietäh* '(они) плачут' и *itkietih* '(они) плакали', в которых признак пассива присоединяется непосредственно к форме I инфинитива. Помимо того, в этих глаголах признак пассива *-ta/tä* присоединяется к той части глагола, которая имела исторически слабый признак пассива **-ḍa/ḍä*. Другими словами, в этих глаголах существовало два пассивных показателя, следы одного из которых кроются в дифтонге *ie*: *itkietäh* < *itkeätäh (Posti L. 1945, 358-359). По мнению Т.Лехтинена, контаминированные формы глаголов являются в языке инновацией, не получившей широкого распространения (Lehtinen T. 1984, 20-21).

Как отмечалось ранее, обсуждаемые глагольные формы карельского языка близки формам пассива финского языка. Основное отличие заключается в том, что в карельском языке они употребляются как в активном значении 3 л.мн.числа презенса и имперфекта (с.-кар. *tütöt lauletah* (*lauletih*) *hüväsistäh* 'девушки поют (пели) хорошо'), так и в пассивном, когда в предложении не

может быть подлежащего (*sielä lauletaḥ (laulettiḥ) huväsistäh* 'там поют (пели) хорошо). В финском языке в первом случае глагол имел бы форму 3 л.мн.числа презенса и имперфекта с окончанием *-vat/vät (tytöt laulavat (lauloivat) hyvin)*; во втором же - форму пассива (*siellä lauletaan (laulettiin) hyvin*). Отметим, однако, что выделение пассива в финском языке подвергается определенной критике. В других языках пассив выражает в качестве субъекта неопределенную персону. Финский же пассив, отмечает О.Икола, предполагает персонифицированного деятеля. Когда мы говорим *Portti avattiin* 'дверь открыли', то полагаем, что кто-то один или несколько человек ее открыли. В случае же, если не предполагалось бы персонифицированного субъекта или субъектов, то сказали бы иначе: *Portti aukesi (aukeni, avautui)* 'дверь открылась'. Наличие финского пассива в предложении не предполагает подлежащего, хотя исторически он мог присутствовать (Ikola O. 1974, 53; Turunen A. 1988, 75). По этой причине А.Хакулинен и Ф.Карлссон предлагают называть финский пассив формами 4 лица, подчеркивая тем самым, что он не связан с 1, 2, 3 лицами, но и не является пассивом в полном смысле этого слова (Hakulinen A., Karlsson F. 1974, 255). Пассивные формы эстонского языка Р.Хармс также называет формами 4 лица (Harms R. 1962, 57-58). Вероятно, более корректным было бы рассматриваемые формы пассива называть имперсональными или неопределенно-личными (см.: Shpre S. 1986; Основы II, 88). Применительно к карельскому языку обсуждаемые глагольные формы имеют еще меньше оснований называться пассивными, чем в финском или эстонском языках, т.к., во-первых, в нем не существует формально выраженного противопоставления актива и пассива, а, во-вторых, эти формы глагола употребляются одновременно и в активном, и в пассивном значениях. Исторически они, конечно же, связаны с пассивом или имперсоналом, однако в какой-то период развития карельского языка активизировались и стали выполнять функции 3 л.мн.числа глагола. Л.Кеттунен выдвинул предположение, что употребление подлежащего при сказуемом в "пассивной" форме является особенностью вепсского языка и не ограничивается только им, а распространяется на карельский в качестве вепсского субстрата (Kettunen L. 1943, 60-61). Р.Э.Нирви, на наш взгляд, совершенно справедливо оспаривает данное предположение, поскольку в карельском языке употребление имперсонала в активном значении - явление повсеместное, глубоко укорен-

нившееся. Едва ли оно появилось под влиянием вепсского языка, поскольку в диалектах карельского языка отсутствуют какие-либо следы активных форм 3 л.мн.числа. В вепсском же языке активный суффикс *-bad* присутствует наряду с пассивным *-ze, -he* (Nirvi R.E. 1947, 13-15). Р.Э.Нирви не отвергает возможности того, что активизация пассивных форм в карельском языке могла произойти под влиянием русского языка, где формы типа читают, читали могут употребляться и в "активном" (Дети читают (читали) книгу), и в "пассивном" значении (Где-то громко читают (читали)) (Nirvi R.E. 1947, 25). Он считает также вполне возможным, что активизация этих форм могла произойти самостоятельно без влияния русского языка; поскольку в целом карельский язык предрасположен к синкретизму грамматических категорий. И наконец, Р.Э.Нирви не отвергает той возможности, что замещение активных форм пассивными могло случиться под воздействием рефлексивного спряжения глаголов. Рассматриваемые ранее глагольные формы *lähtieh, lähtiäh* очень напоминают формы 3 л.ед.числа рефлексивного спряжения. Окончание *-h* могло являться одновременно окончанием и пассивных, и рефлексивных форм глагола, что могло послужить толчком к тому, что пассив стал употребляться и в значении 3 л.ед.числа глаголов рефлексивного спряжения. Ранее формы 3 л.ед.числа и 3 л.мн.числа рефлексивных глаголов были единичными, как это имеет место и теперь в формах 1 л.ед.числа и 1 л.мн.числа. Отсюда уже недалеко до того, что пассив взял на себя функции активных форм 3 л.мн.числа глаголов рефлексивного спряжения, а затем распространился на всю глагольную парадигму (Nirvi R.E. 1947, 28).

Глава II. Грамматическая категория времени

Категория времени является специфическим грамматическим отображением локализации действия на временной оси. Точкой отсчета действия является момент речи, по которому говорящие локализируют действие в плане настоящего, прошлого или будущего времени. Известно, что грамматические категории находятся между собой в определенных зависимых отношениях. Грамматическая категория времени во всех диалектах карельского языка в полном объеме представлена в изъяснительном накло-

нении. По этой причине именно в рамках этого наклонения рассматриваются временные отношения в карельском языке. Временные же характеристики сослагательного и возможностного наклонений излагаются в связи с анализом каждого из названных наклонений.

В карельском языке суффиксально выраженным является противопоставление настоящего времени (презенса) формам прошедшего (имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта). Употребление и функционирование в исследуемом языке имперфекта и перфекта в качестве выражения действия, совершенного до настоящего времени речи, является одной из самых сложных проблем временной системы. Основное различие этих форм времени состоит в том, что имперфект соотносится с прошлым действием и никак не связан с настоящим моментом времени. Прошедшее время выражается обычно имперфектом, если в это время не думают об его отношении к настоящему моменту речи. Перфект же, напротив, связан с ним. Он выражает действие, совершенное в прошлом, однако его результат тем или иным способом связан с настоящим временем, действие его как бы продолжается в настоящее время, оно анализируется с позиции настоящего времени. В перфекте как бы совмещаются два действия: настоящее и прошедшее. Даже формально он состоит из глаголь-связки в лично-числовых формах презенса и смыслового глагола в виде II причастия, обозначающего совершившееся действие (см.: Ikola O.1949,48). Плюсквамперфект же употребляется в тех случаях, когда хотят обозначить действие, происшедшее ранее другого, совершившегося в прошлом действия. О.Икола предлагает следующую схему временной оси (Ikola O.1949,53).

Действие, совершенное ранее другого, происшедшего в прошлом действия	Действие, совершенное ранее настоящего времени	Действие, совершенное ранее настоящего времени	Момент настоящего времени	Действие, которое совершится в будущем
плюсквамперфект	имперфект	перфект	презенс	презенс

В карельском языке презенс изъявительного наклонения не имеет специального суффикса, т.е. является немаркированным в противоположность имперфекту, маркером которого является *-i* либо *-si, zi*. Было бы, все-таки, неправильным говорить, что презенс не имеет никакого формального выражения. Оно имеется и заключается, прежде всего, в лексических основах глагола, отличных от соответствующих основ имперфекта. Другим выразителем, сигнализирующим о презенсе, являются отдельные личностно-числовые окончания презенса, отличные от соответствующих окончаний имперфекта. Так, во всех наречиях карельского языка окончание 3 л.ед.числа презенса *-u/ü* противопоставляется отсутствию окончания в имперфекте, напр.: *laško-u* 'он отпустит' - *laški* 'он отпустил'. В собственно-карельском наречии лично-числовые окончания 1, 2 л.мн.числа презенса и имперфекта отличаются друг от друга, напр.: *laše-mma* 'мы отпустим' - *laški-ma* 'мы отпустили', *laše-tta* 'вы отпустите' - *laški-ja* 'вы отпустили'. Названные два выразителя (основа и личное окончание) в совокупности и составляют грамматическое значение презенса.

Исторически презенс имел суффиксы **-k* и **-pi (~ vi)*, следы которых обнаруживаются в следующих формантах:

- 1) в геминированных лично-числовых окончаниях 1 и 2 л.мн.числа презенса *-mmV, -ttV*, о чем речь шла выше;
- 2) в рефлексивных глаголах, типа *keännä-k-sen* 'я обернусь';
- 3) в формах 3 л.ед.числа презенса изъявительного и возможностного наклонений, напр.: *šoa-pi, anta-vi, antane-vi* 'он получит, дает; возможно, он даст' (Hakulinen L.1979,246-247; Itkonen E.1966,279).

Лексическая основа глагола в большинстве диалектов карельского языка является единой. Различие происходит, прежде всего, от того, в каком направлении пошло развитие исторически долгих **aa* и **ää*, а также от природы и характера чередования ступеней согласных. Особой является основа 3 л.мн.числа, которая строится специальным признаком и рассматривается отдельно. Необычность лексической основы 3 л.ед.числа состоит в том, что в ней конечный гласный *e* чередуется с *o, ö*. Другими словами, этот тип глагола имеет две гласных основы презенса. Помимо того, в названной форме глагола всегда представлена сильная ступень согласных, тогда как в остальных лексических основах выступает слабая ступень. Известно, что глаголы могут иметь либо только гласную основу или основы и тогда их относят к одно-

основным глаголам, либо, наряду с гласной, и согласную основу и тогда их называют двухосновными. При анализе одноосновных глаголов примарным признаком является конечная гласная, а в необходимых случаях и количество слогов.

Одноосновные глаголы имеют лексические основы, оканчивающиеся на следующие согласные:

1) *a-*: *ota-, otta-* (в примерах первой следует слабоступенная основа, второй - сильноступенная основа 3 л.ед.числа презенса). Особенноотью глаголев "работать" и "делить" является то, что основа 3 л.ед.числа презенса является двухсложной: *ruata- ~ roata- ~ ruada- ~ roada- ~ rāda-* (Тулмозеро, Видлица) ~ *rōdo-* (Паданы) 'работать', *jaka- ~ jaga- ~ jago-* 'делить', тогда как основа остальных форм - односложной: *rua- ~ roa- ~ rā-* (Тулмозеро, Видлица) ~ *rō-* (Паданы), *jua- ~ joa- ~ jā* (Тулмозеро, Видлица) ~ *jō-* (Паданы);

2) *ä-*: *künnä-, küntä-* 'пахать';

3) *u-*: *liiku-, liikku-* 'двигаться';

4) *ü-*: *kiännü-, kiäntü- ~ kiändü-* 'вернуться';

5) *o-*: *us(s)o-, usko-* 'верить';

6) *e-, o-, ö-*: *sül(j)e-, sülkö- ~ sülgö-* 'плевать', *kapaloiče- ~ kabaloiče-, kapaloiččo- ~ kabaloiččo-* 'пленать'. В данном случае мы имеем дело с двумя гласными основами. Исключения из этого правила обнаружены в мяндусельгском и паданском диалектах, в которых конечный гласный лексической основы *e* может не чередоваться в формах 3 л.ед.числа.

7) *i-*: *kua(j)i-, kuati- ~ kuadi-* 'кадить';

8) *ie-, uo-, üö-, eä ~ iä-, ai-, ui-*: *vie-* 'нести', *tuo-* 'принести', *süö-* 'есть', *jiä- ~ jeä-* 'остаться', *pai-* 'жениться', *pui-* 'молотить'. В южнокарельских периферийных диалектах глаголы *ruija* 'молотить', *paija* 'жениться' имеют отличную от названной основу, а именно: *ruiče-, ruiččo-, paiče-, paiččo-*. В паданском диалекте в результате перехода дифтонга в долгий гласный (*oa > ō, eä > ē*) лексическая основа глагола "получать" имеет вид *sō-*, а глагола "оставаться" - *dē-*. В видлицком и тулмозерском диалектах в результате *eä > ä* глагол "оставаться" имеет основу *dä-*.

Анализ двухосновных глаголов начнем со стяженных, имеющих словарную форму на *-ta/tä*. Их согласная основа имеет в исходе *t*. Гласные же основы могут быть различными в зависимости от типа глагола и диалекта, в котором они функционируют. Классификацию гласных основ будем производить с ориентацией

на словарную форму, с учетом гласной, предшествующей признаку *-ta/tä*.

1. *a + ta*. Эта группа глаголов делится на две подгруппы, в основах которых выявляются разные типы гласных основ:

а) основы с исходом на *oa ~ ua* (оулангский, кестеньгский, вычетайбольский, тихтозерский, ухтинский, вокनावолокский, контокский, панозерский, ругозерский, толмачевский, валдайский диалекты), напр.: *kaimata* 'проводить': *kaimoa- ~ kaimua-*. Отметим, что основы с исходом на *ua* в настоящее время употребляются шире, нежели на *oa*. Последние чаще встречаются в языке людей преклонного возраста. В отдельных диалектах тем не менее гласные основы обобщились в пользу того или другого из названных дифтонгов. Так, в юшкозерском, подужемском, тунгудском, ребольском, мяндусельгском, тихвинском, сямозерском, рыпушкальском и некульском диалектах употребляются гласные основы на *ua-*: *kizata* 'танцевать': *kizua-*. В поросозерском, ведлозерском и коткозерском диалектах обобщилась гласная основа на *oa-*: *hallata* 'расколоть': *halgoa-*. В тулмозерском и видлицком диалектах основа оканчивается на долгий *ā-* (*ozata* 'мочь': *ozā-*), в паданском - на долгий *ō-* (*šalbata* 'закрывать на заложку': *šalbō-*), в весьегоноком и кондушском диалектах - на дифтонг *ja* (*avata* 'открыть': *avja-*);

б) основы, оканчивающиеся на *ja-, jä-*. Это главным образом звукоподражательные глаголы, напр.: *kolata* 'стучать': *kolaja-, mölätä* 'блеять': *mölājä-, varata* 'бояться': *varaja-*. Подобные основы известны только в собственно-карельском наречии, за исключением паданского и весьегонского диалектов. В последних, а также во всем ливвиковском наречии гласная основа имеет тот же исход, что был отмечен в предшествующем подразделе, напр.: *varata*: *varoa-* (Тулмозеро, Ведлозеро), *varua-* (Сямозеро, Коткозеро, Рыпушкалица, Некула), *varā-* (Видлица), *varja-* (Кондуши, Весьегонск), *varō-* (Паданы).

2. *ä + tä*. В большинстве диалектов собственно-карельского наречия гласная основа имеет в исходе дифтонг *öä ~ üä*: *kerätä* 'собрать': *keröä- ~ kerüä-*. В некоторых южнокарельских периферийных диалектах (толмачевский, весьегонский, тихвинский), а также в коткозерском, рыпушкальском, некульском, кондушском диалектах ливвиковского наречия представлена гласная основа с исходом на *iä*, напр.: *lukkätä* 'толкнуть': *lückkiä-*. В поросозерском, мяндусельгском и ведлозерском диалектах гласная основа имеет

в исходе дифтонг *eä*: *lückeä*. В сямозерском диалекте дифтонг *eä* может чередоваться с *ie*: *sevätä*: *sebeä* ~ *sebie*. В паданском и тулмозерском диалектах в исходе основы представлен долгий *e* (*hüpäätä* 'прыгнуть': *hüppe-*), а в видлицком - *ä* (*hüppä-*).

3. *u, o + ta*. Гласная основа оканчивается на дифтонг *uo*: *huhuta* 'звать криком': *huhuo-*, *upota* 'утонуть': *urpuo-*. Исключение составляют паданский и поросозерский диалекты, где представлена основа на *ua*:- *huhua-*, *urpua-*. В видлицком диалекте основа оканчивается на долгий *o*, если в I инфинитиве *o + ta*: *urpo-*.

4. *e + ta/tä*. Данная группа глаголов делится на две подгруппы:

а) так называемые транслативные глаголы, имеющие значение "становиться кем-либо или чем-либо, превращаться в кого-либо или во что-либо". Гласные основы оканчиваются на *pe-*, *po-/nö-*: *šoveta* 'оолепнуть': *šokene-* ~ *šogene-*, *šokeno-* ~ *šogeno-*;

б) глаголы с основой на *ie-*: *ruveta* 'стать': *rupie-* ~ *rubie-*. В видлицком и некульском диалектах выступает основа на *ia-*: *rubia-*. В ведлозерском диалекте глагол *rajeta* 'сбежать' имеет обе основы, обозначенные в пунктах а) и б): *ragie-* и *ragene-*, *rageno-*, в весьгонском же этот глагол имеет основу на *uo-*: *raguo-*.

5. *i + ta/tä*. Этот тип глаголов делится на два подтипа:

а) основы на *če-*, *čö-*, *čö-*: *keritä* 'стричь': *keriče-*, *keričö-*;

б) основы на *ie-*: *ke(r)ritä* ~ *keritä* 'успеть': *kerkie-* ~ *kergie-*.

К двухосновным глаголам относятся также глаголы с I инфинитивом на *-la/lä*, *-na/nä*, *-s(t)a/s(t)ä*, *-š(t)a/š(t)ä*, *-h(t)a/h(t)ä*, *-r(t)a/r(t)ä*. В этих глаголах согласная основа имеет в исходе соответственно *l, n, s, š, h, r*. Гласные же основы оканчиваются на следующие слоги:

le-, *lo-*, *lö-*: *maissella* 'пробовать': *maistele-*, *maistelo-*, *maissel-*;

pe-, *po-*, *pö-*: *panna* 'класть': *pape-*, *papo-*, *pan-*;

re-, *ro-*, *rö-*: *purra* ~ *purta* 'грызть': *pure-*, *puro-*, *pur-*;

se-, *so-*, *sö-*: *värissä* ~ *väristä* 'дрожать': *värise-*, *värisö-*, *väris-*;

še-, *šo-*, *šö-*: *peššä* ~ *peštä* 'мыть': *peše-*, *pešö-*, *peš-*.

Глагол *näh(t)ä* 'видеть' имеет разные гласные основы в зависимости от диалекта: *niä-* ~ *neä-* ~ *näe-* ~ *nävü-* ~ *näi-*, *näkö-* ~ *nägö-*, *näh-*.

Основа 3 л.мн.числа презенса изъявительного наклонения глаголов образуется с помощью признака *-ta/tä*, который в одноосновных глаголах присоединяется к слабой лексической основе и перед которым *a, ä* чередуются с *e*, напр.: *niitä-* + *tä* = *niitetäh* 'они

косят'. Все двухосновные глаголы, а также одноосновные глаголы с I инфинитивом на *-va/vä* и *-jal/jä* имеют основу 3 л.мн.числа презенса, совпадающую со словарной формой, напр.: *valita* 'выбрать': *valita-h*, *tulla* 'прийти': *tulla-h*, *männä* ~ *mennä* 'уйти': *männä-h* ~ *mennä-h*, *näh(t)ä* 'видеть': *näh(t)ä-h*, *süvvä* 'есть': *süvvä-h*, *emännöijä* 'хозяйничать': *emännöijä-h*.

Суффиксом имперфекта в диалектах карельского языка является *-i*. В кондушском диалекте в формах 3 л.ед.числа имперфекта произошло расширение названного признака *i > e* и, таким образом, в нем существуют два суффикса имперфекта *-i* и *-e*. В держанском диалекте в названной форме глагола суффикс имперфекта отпадает, вызывая мягкость предшествующего согласного, напр.: *läks'* 'он ушел', *jält'* 'он оставил'. Формы имперфекта маркируются, таким образом, специальным суффиксом, с помощью которого создается особая основа имперфекта. Следует, однако, отметить, что в собственно-карельском наречии лично-числовые окончания 3 л.ед.числа и 1, 2 л.мн.числа имперфекта отличаются от соответствующих окончаний презенса. В этих формах информация об имперфекте заключается отчасти и в лично-числовых окончаниях. И когда *-i* оказывается в позиции после билабиальных гласных *o, ö, u, ü*, то в перечисленных выше формах глагола суффикс имперфекта отпадает, напр.: (*hiän*) *anto* 'он дал', (*müö*) *anto-ma* 'мы дали', (*tüö*) *anto-ja* 'вы дали'. Первоначально причина отпадения *i*, оказавшегося вторым компонентом дифтонга непервого слога, была чисто фонетической. Морфологический признак мог отпадать только в том случае, если информация, в данном случае - об имперфекте, могла перетягиваться на другие маркеры. Этими маркерами явились отличные от презенсных лично-числовые окончания имперфекта. Это, в свою очередь, способствовало тому, чтобы в собственно-карельском наречии не произошло выравнивания окончаний презенса и имперфекта по линии множественного числа. В ливвиковском и людиковском наречиях суффикс имперфекта *-i* никогда не отпадает и поэтому личные окончания выравнивались в пользу окончаний презенса.

Суффикс имперфекта *-i*, присоединяясь к лексической основе одноосновных глаголов, вызывает в ней следующие чередования конечных гласных:

1) *a ~ o*: *kuala-n* 'я бреду' - *kualoi-n* 'я бред';

2) *a ~ ø*: *vuota-n* 'я жду' - *vuoti-n* 'я ждал';

3) а ~ i. Чередование происходит, главным образом, в южнокарельских периферийных диалектах, а также в коткозерском, рыпушкальском, некульском и кондушском диалектах: *unaha-n* 'я забуду' - *unahi-n* 'я забыл';

4) ä ~ ø: *kīrah(t)ä-n* 'я тороплюсь' - *kīrah(t)i-n* 'я торопился';

5) ä ~ i. Чередование происходит в тех же диалектах, что были отмечаны в пункте 3): *löüvä-n* 'я найду' - *löüvi-n* 'я нашел';

6) e (o, ö) ~ ø: *i(t)ke-n* 'я плачу' - *i(t)ki-n* 'я плакал', *ilkö-ü* 'он плачет', *ilki* 'он плакал';

7) e ~ i. В южнокарельских периферийных диалектах чередование происходит в основном в формах 1, 2 л.ед.числа. В ливвиковском наречии данное чередование происходит в тех диалектах, которые были отмечены в пункте 3): *kävele-n* 'я хожу' - *käveli-n* 'я ходил';

8) i ~ i. Данный вид чередования означает, что конечный гласный лексической основы при присоединении -i остается без изменения. Чередование типично для южнокарельских периферийных диалектов, людиковского наречия, а также для рыпушкальского и некульского диалектов ливвиковского наречия. В ведлозерском, коткозерском и видлицком диалектах чередование может иметь место: *läzi-n* 'я болею' - *läzi-n* 'я болел'. Отметим, что долгий i представлен также в форме 3 л.ед.числа имперфекта, хотя прямой надобности в этом и нет, т.к. эта форма презенса и имперфекта достаточно четко различалась бы и кратким i: *luadi-u* 'он делает' - *luadi* 'он делал';

9) i ~ ø. Чередование типично для собственно-карельского наречия. В южнокарельских периферийных диалектах оно происходит в 3 л.ед.ч., 1,2 л.мн.ч.: *pūri-mmä* 'мы стремимся' - *pūrki-mä* 'мы стремились'.

В собственно-карельском (за исключением южнокарельских периферийных диалектов) и людиковском наречиях суффиксом имперфекта, наряду с -i, выступают также -si, -zi, -ži, которые представлены в двухосновных стяженных глаголах: *harppasi-n* ~ *harppazi-n* ~ *harppazi-n* 'я шагнул'. В собственно-карельском наречии, однако, параллельно с ним в названной группе глаголов может выступать и признак имперфекта -i. При присоединении этих показателей в двухосновных стяженных глаголах происходят нижеследующие чередования конечных гласных лексической основы:

1) oa, ua, ā (Тулмозеро, Видлица), ō (Паданы), ja (Тихвин, Вельегонск, Кондуши) ~ a: *harproa-n* ~ *harppua-n* ~ *harpā-n* ~ *harpō-n* ~ *harppja-n* 'я шагнул' - *harp(p)ai-n* ~ *harppasi-n* ~ *harpazi-n* ~ *harpaži-n* 'я шагнул';

2) öä, üä (севернокар. диалекты), eä, iä (ливв., Поросозеро, Мяндусельга, Тихвин, Толмачи, Вельегонск), ä (Видлица, Тулмозеро), ie (Тулмозеро), ē (Паданы) ~ ä: *keröä-n* ~ *kerüä-n* ~ *kereä-n* ~ *keriä-n* ~ *kerä-n* ~ *kerie-n* ~ *kerē-n* 'я соберу' - *keräi-n* ~ *keräsi-n* ~ *keräzi-n* ~ *keräži-n* 'я собрал';

3) uo, ua (Паданы, Поросозеро) ~ u, o: *urpuo-t* ~ *urpuu-t* 'ты утонешь' - *urpoi-t* ~ *urposi-t* ~ *urpozi-t* ~ *urpoži-t* 'ты утонул';

4) ie, iä (Паданы, Видлица, Коткозеро, Рыоушкалица) ~ e: *rupie-n* ~ *rubie-n* ~ *rubia-n* 'я приступлю' - *rupei-n* ~ *iubei-n* ~ *rupesi-n* ~ *rubezi-n* ~ *rubeži-n* 'я приступил';

5) ie ~ i: *kerkie-n* ~ *kergie-n* 'я успею' - *kerkisi-n* ~ *kergizi-n* ~ *kergiži-n* 'я успел'.

Двойственная природа форм имперфекта от стяженных глаголов, типа *makai* ~ *magai*, отмечалась еще А.Генетцем (А.Genetz 1880,215). Э.Н.Сетяля полагает, что *si*-овые формы имперфекта являются первоначальными и возникли по аналогии, не объясняя самой природы аналогии (Setälä E.N.1899,132). Х.Оянсуу считает, что в прибалтийско-финском языке-основе в имперфекте стяженных глаголов произошел переход *δ > s*. Позднее согласный *s* в ливвиковском наречии исчез. Формы типа *magai* возникли под влиянием презенса. Так, если вначале было *makālan: makađi*, то позже стало *makaian: makađi*, еще позже - *magoan: magari* (Ojansuu H.1918,38-39). Л.Кеттунен полагает, что интересующие нас формы возникли под влиянием форм имперфекта, имеющих в основе дифтонг, т.е.под влиянием форм типа *annoin* 'я дал' (Kettunen L.1960,5). П.Пуллкинен довольно подробно исследует ареал распространения обеих форм имперфекта и приходит к следующим выводам: 1) в ливвиковском наречии и в южнокарельских периферийных диалектах формы имперфекта с основой на *si-* ~ *zi-* полностью отсутствуют; 2) в севернокарельских диалектах оба названных вида основ употребляются параллельно; 3) в южнокарельских диалектах, распространенных на территории Карелии, представлены оба типа имперфектных основ, причем довольно хаотично. Тем не менее форма 3 л.ед.числа имперфекта чаще выступает с исходом на *i*-овый дифтонг, напр.: *magai* 'он спал'. П.Пуллкинен считает, что в древнекарельском языке имперфект-

ные формы стяженных глаголов содержали согласный *s*, т.е. были типа *makasi-n*. Позднее, предположительно не ранее XVI века, они были замещены формами без согласного *s*, на что указывает их широкое распространение и преобладание в ранних записях по карельскому языку. И чем теснее связь того или иного диалекта карельского языка с финским, тем больше в нем *s*-овых форм имперфекта. Еще позднее, когда в Карелии стали обучать финскому литературному языку, в котором существуют только *si*-овые формы имперфекта от стяженных глаголов, процесс замещения старых новыми ускорился. В свою очередь, южнокарельские диалекты подвергались влиянию людиковского наречия, в котором *ži*-овые формы имперфекта являются типичными, напр.: *lainaži-n* 'я проглотил' (Puikkinen P.1968). По мнению Т.Лехтинена, *i*-овые формы имперфекта стяженных глаголов не восходят к древнекарельскому языку, поскольку не известны в восточных диалектах финского языка и в ижорском языке (Лаанест А.1966, 128-129). По всей видимости, без *s*-овые формы имперфекта возникли в XIII веке, когда связь между Карелой и Саво прекратилась (Lehtinen T.1979, 169). Сами же формы *makai ~ tagai* возникли под влиянием односложных глаголов. Соотношение *soan : sain* 'я получу - я получил' повлияло на возникновение соотношения *avoan : avain* 'я открою - я открыл'. Другими словами, *si*-овые формы имперфекта стяженных глаголов являются первичными и восходят к прибалтийско-финскому языку-основе. Позднее формы имперфекта с исходом на *i*-овый дифтонг стали проникать в карельский язык с ливвиковского ареала (Lehtinen T.1982, 18).

В карельском языке отрицательные конструкции простых временных форм строятся с помощью изменяющегося по лицам-числам отрицательного глагола *ei* 'нет' и смыслового глагола. Следует отметить, что отрицательный глагол обладает неполной парадигмой в том смысле, что изменяется только в рамках двух наклонений: изъявительного и повелительного. При этом изъявительное наклонение глагола *ei* имеет лишь формы презенса. Особенностью всех диалектов карельского языка является также то, что *ei* выступает одновременно формой 3 л.ед. и мн.числа. В изъявительном наклонении к основе *e-* присоединяется личное окончание: *en, et, ei, emmä ~ emmo ~ emme, että ~ etto ~ ette*. В презенсе за отрицательным глаголом следует основа смыслового глагола, напр.: *en kačo* 'я не смотрю'. В 3 л.мн.числа выступает основа имперсонала, напр.: *ei kačota* '(они) не смотрят'.

Привлекают внимание отрицательные конструкции 3 л.мн.числа презенса изъявительного наклонения в южнокарельских диалектах, распространенных на территории Карелии. Здесь смысловой глагол представлен исходом на дифтонг *oa ~ ua* (в словах с заднерядной огласовкой) и *eä ~ iä* (в переднерядных словах). При этом форма смыслового глагола является сильно-ступенной, напр.: *(hüö) ei kačottua, ei viržitettä* '(они) не смотрят, не поют'. В паданском диалекте на месте дифтонга выступает долгий *ä, ä*, напр.: *ei ruohittä, ei itettä* '(они) не осмелятся, не плачут'. Подобные формы смыслового глагола являются результатом контаминации двух пассивных суффиксов *-ta/tä* и *-da/dä*, напр.: *ei soadoa < *ei sātašak* (Kettunen L. 1915, 112). Наибольшим фонетическим изменениям в потоке речи в диалектах карельского языка подверглись сочетания *ei + "быть"*. Ими являются: *e_ole, e_ulo, eulo, eij oa, eij ou, e_jou, ei ou, eele, joule, eolo, ewle, ewlo, eule, ialo, lel'e, iel'o, iew, eu, eo*.

В отрицательных формах имперфекта изъявительного наклонения смысловой глагол выступает в виде II причастия актива, в 3 л.мн.числа II причастия пассива, напр.: *(en) tullun ~ tulluh ~ tullut* 'я не пришел', *ei tullu ~ tuldu* '(они) не пришли'. Отрицательные формы 3 л.ед.числа имперфекта индикатива могут стягиваться до одного слога: *ellun ~ ewlun ~ jölu(n), eulluh ~ ewlulh ~ eullu(t), ielnu* 'он не был'.

В карельском языке отрицательный глагол, как правило, предшествует смысловому. Тем не менее имеются случаи инверсии, которые И.Савиярви объясняет следующим образом. Употребление в предложении частиц *n'i* и *i* перед смысловым глаголом способствует тому, что информация об отрицании перетягивается на них. Отрицательный же глагол теряет функции негативности и выражает лишь значение лица-числа, действие которого отрицается. В силу этого отрицательный глагол передвигается и следует за смысловым, напр.: (ливв.) *a minuw n'i et nähnüš > a minuw n'i nähnüš et* 'а меня ты и не видел бы' (Savijärvi I. 1978, 155).

К сложным временным формам относятся перфект и плюсквамперфект. Общим для них является то, что они образуются сочетанием спрягаемого по лицам-числам и временам глагола "быть" и неизменяемого смыслового глагола в виде II причастия актива (в 3 л.мн.числа - II причастия пассива), напр.: *olen tullun ~ tulluh ~ tullu(t)* 'я пришел', *on tullu ~ tuldu* '(они) пришли', *olin tullun ~*

tulluh ~ *tullu(t)*, *oli tullu* ~ *tuIdu* (плюсквамперфект). Считается, что перфект и плюсквамперфект возникли позже, чем простое прошедшее время - имперфект, который до определенного времени выполнял функции всех трех прошедших времен. Вероятно, это старое положение наблюдается в диалектах карельского, вепсского и водского языков (Ikola O. 1960, 364). И все же в современном состоянии карельского языка граница между имперфектом, перфектом и плюсквамперфектом довольно ощутима.

Возникновение форм перфекта и плюсквамперфекта относят к периоду прибалтийско-финского языка-основы. Некоторые лингвисты считают, что названные формы возникли под влиянием германских языков (Серебренников Б.А. 1963, 496-497). Другие же полагают, что в развитии перфекта и плюсквамперфекта прибалтийско-финских языков решающее значение сыграли балтийские языки (Аристе П.А. 1956, 12; Ikola O. 1960, 367). Не отрицается, однако, и возможность того, что они в прибалтийско-финских языках возникли самостоятельно (Ikola O. 1960, 367).

Особенностью аналитических форм прошедшего времени в карельском, равно как и в саамском, языке является то, что смысловой глагол в форме II причастия актива и пассива не изменяется по числам и выступает в номинативе единственного числа. Имеются лишь отдельные случаи, особенно в плюсквамперфекте, когда и глагол-связка, и II причастие смыслового глагола в форме 3 л.мн.числа представлены номинативом множественного числа, напр.: (Pyrozepo) *kattolauvat oldih veššetüt* (NKK I, 166) 'доски на крыше были тесаные'; (Валдай) *jo ollah loadjat kuolluot* (KVM, 58) 'строители уже умерли'; (Кондуши) *brodat oldih koiš kudotut* (OKP 1969, 21) 'бредни были домашней работы'; (Толмачи) *i rahvaš kaikin oldih hyvin šuorietšennuot* (KKK, 124) 'и весь народ был хорошо одет'.

Глава III. Грамматическая категория наклонения

Морфологическая категория наклонения глаголов - это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отношение действия к действительности и имеющих значение реальности (изъявительное), побуждения (повелительное), предположительности (сослагательное) и возможности (возможностное наклонение). Следует отметить, что наклонения по своей семантике иногда не так резко отличаются друг от друга, как, например,

формы времен, хотя и имеют свои форманты. Так, в карельском языке сослагательное и возможностное наклонения близки по значению, в результате чего в диалектах, подвергнутых сильному влиянию русского языка, последнее исчезает и передает свои функции первому.

Изъявительное наклонение не имеет специального показателя. Как таковое оно выделяется в противопоставлении с другими наклонениями, имеющими свои суффиксы. Немаркированность основного "нейтрального" наклонения характерна для финно-угорских языков. Неоформленность изъявительного наклонения в карельском языке выступает как вполне определенная нулевая характеристика.

Императив, или повелительное наклонение, выражает волю говорящего, направленную к другому лицу или лицам, побуждение к совершению действия, просьбу или приказание. В финно-угорских языках повелительное наклонение, наряду с изъявительным, несет на себе значительную функциональную нагрузку. В прибалтийско-финских языках связь названных наклонений очевидна. Так, лексическая основа глагола является одновременно формой 2 л.ед.числа императива, а формы 1 л.мн.числа презенса изъявительного наклонения могут выполнять одновременно функции императива.

В повелительном наклонении основными и исторически более ранними относительно других являются формы 2 лица. Они активно выступают во всех наречиях и диалектах карельского языка, что вполне естественно, так как приказание или побуждение к действию направлено, прежде всего, к адресату или адресатам. Исторически императив имел специальный суффикс, выступавший в форме 2 л.ед.числа в виде *-k, а во множественном числе - *-kV. В карельском языке на былое присутствие *-k указывает слабоступенность основы глагола, возникающая в результате того, что последний слог закрывался названным суффиксом и вызывал чередование ступеней согласных, напр.: *juota* 'напой' < *juotak (ср.: *juotau* 'он напоит'). Суффикс *-k восходит к глубокой древности, и у него было две вербальных функции: с одной стороны, он был показателем презенса, с другой - императива (Collinder B. 1965, 132). По мнению Э.Итконена, императив выражался первоначально формами презенса изъявительного наклонения, которые произносились с повелительной интонацией (Itkonen E. 1966, 275, 292). М.Корхонен, однако, полагает, что хотя дифференциация функций *-k и началась в период уральского праязыка, нельзя с

уверенностью говорить, что значение повелительного наклонения является вторичным по отношению к значению презенса изъявительного наклонения. Форма *menek могла употребляться параллельно в обоих значениях, а именно: 'ты идешь' и 'иди' (Korhonen M. 1967, 164). Суффикс *-*kV* возник не ранее чем в прибалтийско-финско-саамский период. Присоединяясь к основе глагола, он выражал приказание, направленное к множеству людей. Развитие форм императива на этом не прекратилось. Парадигма других наклонений стала влиять на императив таким образом, что к суффиксу *-*kV* стали присоединяться лично-числовые окончания с тем, чтобы дифференцировать приказание относительно первого, второго и третьего лица. В диалектах карельского и финского языков сохранилась застывшая форма *läkkä*, в которой проявляется первоначальное затемненное значение множественности. Подобная форма восходит, вероятно, к тому времени, когда в языке еще не существовало четкого разделения множественного и двойственного числа, поскольку названная форма императива имеет значение 'пойдем вдвоем' и 'пойдемте' (см.: Itkonen E. 1955, 161-175).

Личные окончания 2 л.мн.числа императива в собственно-карельском и ливвиковском наречиях насчитывают 40 алломорфов и сгруппированы в таблицу. Их можно представить формулой *CCVV* или *CV*, обозначающей, что окончание может начинаться на геминированный согласный (*kučču-kkua* 'позовите'), либо на одиночный (*šüö-küä* 'ешьте'). Что касается исхода окончания, то он может выступать в виде дифтонга, долгой гласной (*vie-kä* 'отнесите'), либо, в редких случаях, в виде краткой гласной. По признаку геминированности-негеминированности коррелируют 13 пар окончаний. Окончания, начинающиеся на звонкий согласный *g*, представлены только негеминированными алломорфами. По признаку переднерядности-непереднерядности (*kkoa* ~ *kköä*) коррелируют 15 пар окончаний. В них качество гласных отличается лишь признаком переднерядности-непереднерядности. Это, однако, не означает того, что подобные типы окончаний выступают во всех диалектах карельского языка. Данные виды окончаний представлены главным образом в севернокарельских диалектах, напр.: *vuotta-kkua* 'подождите' и *keittä-kküä* 'сварите'. В ливвиковском наречии и частично в южнокарельских диалектах в словах с переднерядной огласовкой выступает окончание (*k*)*keä* ~ (*k*)*kiä*, напр.: *keittä-kkiä* ~ *keittä-kkeä*.

Дистрибуция окончаний 2 л.мн.числа императива связана как со слоговой структурой глагола, так и с его типом. Окончания с геминированным англэтом выступают только в одноосновных многосложных глаголах, за исключением глаголов типа *haravoija*. Эти окончания возникли первоначально в двухосновных стяженных глаголах, где *CVV* присоединялся к согласной основе с исходом на *t*, напр.: *varat-* + *kua* = *varakkua* 'бойтесь'. Впоследствии эти геминированные окончания перешли в сферу одноосновных глаголов (Kettunen L. 1915, 110-111; Ojansuu H. 1918, 30; Hakulinen L. 1979, 80). Выдвинуто и другое предположение, по которому начальный согласный признака императива *k*, оказавшись в позиции начала долгого слога, фонетически усилился, перейдя в геминату *kk*. В этом случае формы императива с геминированными окончаниями возникли ранее перехода *k > g* (Ojansuu H. 1918, 30-31): В собственно-карельском наречии окончания с геминированным началом присоединяются к сильноступенной основе (*otta-kkua* 'возьмите'). В паданском, поросозерском, мяндусельском, валдайском, держанском, видлицком, коткозерском, рынушкальском и некульском диалектах окончание, напротив, присоединяется к слабой основе глагола (*ota-kkua*). Окончание императива со звонким началом на *g* полностью отсутствует в севернокарельских диалектах.

Формы 2 л.мн.числа императива образуются еще посредством окончаний, в которых к перечисленным выше присоединяется согласный *t*, *d*, за которым может следовать гласный *e*, напр.: *otta-kkuat* 'возьмите', *sano-kkuode* 'скажите'. Наряду с названными, могут выступать такие окончания, в которых отсутствует исторический признак императива, напр.: *kaččuot(e)* 'смотрите', *tüöntüäte* 'отправьте'. Некогда в этих формах присутствовал слабоступенный признак императива **ya /gä*, в котором впоследствии исчез спирант *y*: *kaččuote* < *kaččoate < *kaččoate.

Формы 1 л.мн.числа императива суффиксально выражены лишь в диалектах собственно-карельского наречия, распространенного на территории Карелии. Окончанием выступает -(*k*)*ka*/(*k*)*kä*, *ga/gä*. В отдельных случаях к ним может присоединяться *m(o)a*; *m(ö)ä*, напр.: *ruvekka nüt kaikki laulamah* 'давайте все будем петь', *ruvekkama müö kistah juokšomah* 'давайте побегим наперегонки'. Окончанием 3 л.ед.числа императива являются (*k*)*kah*/(*k*)*käh*; *-gah/gäh*, напр.: *eläkkäh*, *peškäh*, *tulgah* 'пусть он жи-

вет, моет, придет'. В собственно-карельском наречии эти же формы употребляются в значении 3 л.мн.числа императива. Исторически окончание *-kah/käh* распадается на два элемента: *-ka/kä* и *h*. Первая часть окончания была суффиксом императива, а вторая входила в состав личного окончания 3 л.мн.числа **-hen: tul-kah < *tul-ka-hen*. Позже формы 3 л.мн.числа императива взяли на себя функцию 3 л.ед.числа. В ливвиковском наречии формы 3 л.мн.числа императива имеют окончания *-heze, -hez ~ hes*. Второе из них распространено, главным образом, в коткозерском и ведлозерском диалектах. Это окончание, не включающее в себя исторического признака императива, присоединяется к сильной основе имперсонала презенса изъявительного наклонения, напр.: *peitettä-heze* 'пусть они спрячут', *elländettä-hes* 'пусть они поймут'. По мнению А.Генетца, к основе пассива ранее присоединялся суффикс императива *-ga/gä*, однако согласный *g* не смог удержаться в позиции после краткого гласного, да еще и в первом слоге. В силу этого он заместился согласным *h*. Так как последний слог стал начинаться на этот согласный, то в качестве личного окончания стали употреблять слог *ze*. В предшествующем же слоге *-a/ä > e*, напр.: *süödähä-ze > süödäheze* 'пусть они едят' (Genetz A. 1885, 168). Подобное объяснение происхождения окончания *-heze* является довольно запутанным, на что указывал еще Э.Н.Сетяля (Setälä E.N. 1886, 118). Х.Лескинен полагает, что на появление нынешнего окончания 3 л.мн.числа императива повлияли формы других наклонений. Язык стремился к тому, чтобы в императиве формы 3 л.ед. и мн.числа стали суффиксально различаться. Такая возможность обнаружилась в сфере рефлексивного спряжения глаголов. Первоначально в 3 л.мн.числа императива, типа *hüö *luogaheze, kačokkaheze*, суффикс повелительного наклонения, за которым следовал рефлексивный суффикс, присоединялся к лексической основе единственного числа, хотя названные формы несли на себе значение множественности. Это несоответствие было затем исправлено таким образом, что рефлексивный суффикс стал присоединяться уже к сильной основе 3 л.мн.числа, т.е. возникли формы типа **luodagaheze, kačottakkaheze*. Позднее признак императива за ненадобностью был отброшен, т.к. формы 3 л.ед. и мн.числа императива и без него стали достаточно четко различаться между собой: *ka(č)čokkah* 'пусть он смотрит' и *kačotta-heze* 'пусть они смотрят'. Во вновь возникшей форме не осталось следов от суффикса импе-

ратива, однако это не было столь важным для языка. Главное, что было достигнуто четкое противопоставление названных форм императива, и что в 3 л.мн.числа, как и в других наклонениях, стала выступать основа имперсонала. Х.Лескинен подчеркивает, что именно в ливвиковском наречии сложились исключительно благоприятные условия для подобного развития, поскольку в нем рефлексивное спряжение имеет достаточно прочные позиции. В собственно-карельском наречии этого не произошло, т.к. рефлексивное спряжение ограничивается небольшим кругом диалектов и имеет иную природу (Leskinen H. 1967, 256-258).

Отрицательные формы императива строятся с помощью отрицательного и смыслового глаголов в соответствующей личностно-числовой форме императива, напр.: *elkää ~ älgä tulkua ~ tulgua* 'не приходите', *elkäh ~ älgäh tulkah ~ tulgah* 'пусть он не приходит', (ливв.) *äldäheze tuldaheze* 'пусть они не приходят'.

Условное наклонение, или кондиционал, имеет суффиксы *-(i)si, -(i)zi, -(i)ži*, которые выступают в формах 1 и 2 л.ед. и мн.числа. В 3 л.ед. и мн.числа кондиционала суффиксом является *-(i)s, -(i)š*, за которым не следует никаких лично-числовых окончаний. В последнем случае суффикс присоединяется к сильной основе имперсонала, напр.: *läksi-si-n ~ lähti-zi-n* 'я пошел бы', *läksi-is ~ lähti-is* 'он пошел бы', *läh(t)että-is* 'они пошли бы'. Суффикс кондиционала *-isi* состоит из двух элементов: *is* и *i*. Последний фактически является показателем имперфекта, *-is* же, по общепринятому мнению, восходит к суффиксу фреквентативности, который представлен в глаголах типа *helisee* 'звонит' (Setälä E.N. 1886, 147-150; Korhonen M. 1981, 253; Майтинская К.Е. 1974, 23; Lehtinen T. 1983, 495-496).

Временная соотнесенность сослагательного наклонения в собственно-карельском наречии, с одной стороны, и ливвиковском, людиковском, с другой, различна. В первом функционирует одно простое и одно сложное время, в двух других выступают все четыре формы времени: презенс, имперфект, порфект и плюсквамперфект кондиционала. В большинстве диалектов собственно-карельского наречия простой временной формой условного наклонения является имперфект, поскольку к основе кондиционала присоединяются лично-числовые окончания имперфекта, напр.: *mänisi-jä* 'вы пошли бы'. Лишь в подужемском, тихвинском и весьегонском диалектах в данном наклонении выступают окончания презенса, поэтому эти формы интерпретируются как пре-

зенса кондиционала, напр.: *mānizi-ttä*. Сложной временной формой по этой же причине в большинстве диалектов собственно-карельского наречия является плюсквамперфект, а в трех названных диалектах - перфект условного наклонения.

Формы презенса кондиционала в ливвиковском и людиковском наречиях, а также в подужемском, тихвинском и весьегонском диалектах образуются с помощью суффиксов, перечисленных ранее.

Имперфект условного наклонения в подавляющем большинстве диалектов собственно-карельского наречия структурно и отчасти суффиксально соответствует презенсу условного наклонения ливвиковского и людиковского наречий. Дистрибутивно суффиксы распределяются следующим образом: 1) *-si*, *-zi*, *-zi* выступают в одноосновных глаголах после безударного слога, напр.: *šoaŋta-si-n* ~ *šoaŋta-zi-n* 'я смог бы', *havaččeuŋtu-si-t* 'ты коснулся бы'; 2) эти же суффиксы присоединяются к основам стяженных двухосновных глаголов, напр.: *makua-si-ja* ~ *maŋua-zi-ja* 'вы спали бы'; 3) во всех остальных случаях представлен суффикс кондиционала с *i*-овым началом, напр.: *olisi-ma* ~ *olizi-ma* 'мы были бы'.

Суффиксами имперфекта кондиционала в ливвиковском и людиковском наречиях являются *-(n)nu(i)zi/(n)nü(i)zi* (*moannuzimme* 'мы спали бы', *löüdänüizimme* 'мы нашли бы') и *-(n)nu(i)s/(n)nü(i)s* (*tundenus* 'он узнал бы', *täüdünüis* 'он наполнился бы'). Показатель имперфекта условного наклонения распадается на два компонента: *nu/nü* и *(i)zi*, первый из которых исторически относится к суффиксу II причастия актива, второй же являлся собственным признаком сослагательного наклонения. Современные формы имперфекта кондиционала образовались вследствие контаминации презенса и перфекта сослагательного наклонения: *antazin* + *antanu(h,t)* *olizin* = *antanuzin* (Kettunen L. 1960, 21).

Перфект условного наклонения представлен в ливвиковском и людиковском наречиях, а также в подужемском, тихвинском и весьегонском диалектах. Он образуется из личных форм кондиционала глагола "быть" и II причастия актива смыслового глагола в номинативе единственного числа, напр.: *olizin tullu(n)* ~ *tulluh* 'я пришел бы', *olis* ~ *oliz tullu(n)* ~ *tulluh* 'он пришел бы'. В 3 л.мн.числа смысловый глагол выступает в виде II причастия пассива в номинативе единственного числа, напр.: *olis tullu* ~ *tuldu* 'они пришли бы'. Глагол-связка в этом случае может выступать в

форме 3 л.мн.числа презенса условного наклонения, напр.: *hüö oldais tuotu kalua* 'они принесли бы рыбы', *ku vellet oldas olluh ühtes* 'если бы братья были вместе'.

Плюсквамперфект сослагательного наклонения в собственно-карельском наречии, за исключением трех названных диалектов, в ливвиковском и людиковском наречиях образуется из личных форм имперфекта глагола "быть" в условном наклонении и II причастия актива (в 3 л.мн.числа II причастия пассива) смыслового глагола, напр.: (с.-кар.) *olisima tullu(n)* 'мы пришли бы', *olis tullu(n)* 'он пришел бы', *olis* ~ *oltais tullu* 'они пришли бы'; (ливв.) *olluzin mennüh* 'я ушел бы', *ollus mennüh* 'он ушел бы', *oldanus mendü* 'они ушли бы'.

Отрицательные конструкции простых временных форм сослагательного наклонения строятся с помощью отрицательного глагола в соответствующем лице-числе и смыслового глагола в форме 3 л.ед.числа кондиционала, напр.: *en luatis* 'я не сделал бы', (ливв.) *en kastunus* 'я не вымок бы', (люд.) *en lähtenüis* 'я не пошел бы'. В 3 л.мн.числа за отрицанием *ei* следует смысловый глагол в форме 3 л.мн.числа презенса либо имперфекта кондиционала, напр.: (с.-кар.) *ei kaššuttais*, (ливв., люд.) *ei kastututais*, *ei kastutannuis* 'они не вымокли бы'. Отрицательные конструкции сложных временных форм строятся из отрицательных личнословных форм презенса либо имперфекта кондиционала глагола "быть" и II причастия актива смыслового глагола (в 3 л.мн.числа - II причастия пассива), напр.: (с.-кар.) *en olis tullun* 'я не пришел бы', *ei olis tullu* 'они не пришли бы'; (ливв.) *en olis šüönnüh* 'я не съел бы', *ei olis kuoldu* 'они не умерли бы', *en olnus tulluh* 'я не пришел бы', *ei olnus tuldu* 'они не пришли бы'.

Из прибалтийско-финских языков возможностное наклонение, или потенциал, является живой грамматической категорией главным образом в финском и карельском языках. Лишь в южно-карельских периферийных диалектах сфера функционирования потенциала значительно ограничена: он выступает в основном в формах 3 л.ед.числа презенса. Суффиксами возможностного наклонения являются *-(n)ne*, *-(n)no/(n)nö*. Показатель с исходом на гласный *o/ö* представлен только в форме 3 л.ед.числа, напр.: *šorta-(n)ne-n* ~ *šorda-(n)ne-n* 'возможно, я уроню', *šorta-(n)no-u* ~ *šorda-(n)no-u* 'возможно, он уронит', *šorre(t)ta-(n)ne-h* 'возможно, они уронят'.

Суффикс потенциала имеет геминированное и негеминированное начало. В одноосновных глаголах дистрибуция этих показателей зависит от слоговой структуры глагола, а также диалекта, в котором функционирует потенциал:

1) в собственно-карельском наречии к односложной и трехсложной основам, типа *haravoi-*, присоединяется негеминированный суффикс, напр.: *vie-ne-n* 'возможно, я отнесу', *haravoi-ne-n* 'возможно, я сгребу'. В ливвиковском наречии, а также в подужемском, тихвинском, весьегонском и толмачевском диалектах в данных случаях, напротив, выступает геминированный суффикс: *vie-nne-n*, *haravoi-nne-n*;

2) в остальных одноосновных глаголах распределение суффиксов следующее:

а) после второго слога выступает негеминированный суффикс: *rüki-ne-n* ~ *rügi-ne-n* 'возможно, я покашляю';

б) после третьего и далее слогов, как правило, представлен геминированный суффикс: *rikkautu-nno-u* 'возможно, он сломается', *šüöfettä-nne-h* 'возможно, они накормят'.

В южнокарельских диалектах во всех непервых слогах выступает негеминированный показатель.

В двухосновных нестяженных глаголах в результате ассимиляции представлены алломорфы: *-le*, *-lo/lö*; *-re*, *-ro/rö*, *-se*, *-so/sö*, *-še*, *-šo/šö*: *tul-le-n*, *tul-lo-u*, *pur-rè-n*, *pur-ro-u*, *peš-še-n*, *peš-šö-ü*, *väris-se-n*, *väris-sö-ü* 'возможно, я приду, он придет, я сгрызу, он сгрызет, я вымою, он вымоет, я задрожу, он задрожит'.

В стяженных двухосновных глаголах конечный согласный основы *t* подвергается ассимиляции со стрроны *n*: *tuat- + ne = tuap-ne-n* 'возможно, я посплю'.

В 3 л.мн.числа показатель потенциала присоединяется к сильной основе имперсонала: *kačotta-nne-h* 'возможно, они посмотрят'.

Отрицательные формы презенса возможностного наклонения образуются с помощью лично-числовых форм отрицания и основы смыслового глагола в потенциале. В 3 л.мн.числа смысловой глагол выступает в виде основы имперсонала: *en kuččine* 'возможно, я не позову', *ei kuččtane* 'возможно, они не позовут'.

Суффикс потенциала *-ne* возводят к соответствующему словообразовательному, который, видимо, был фреквентативным или континуативным. О связи фреквентативных суффиксов с показателем кондиционала шла речь в предшествующем разделе.

Поскольку условное и возможностное наклонения семантически чрезвычайно близки друг другу, то суффикс потенциала мог развиваться тем же путем, что и суффикс кондиционала (Накулинен L. 1949, 245). Выдвинуто также предположение, что признак возможностного наклонения связан с суффиксом отыменных глаголов на *-ne* со значением "делаться, становиться каким-либо", напр.: *kove-ne-* 'становиться тверже' (Бубрих Д.В. 1955, 62-63).

Перфект возможностного наклонения образуется из лично-числовых форм глагола "быть" в потенциале и II причастия актива смыслового глагола (в 3 л.мн.числа II причастия пассива). В абсолютном большинстве диалектов карельского языка глагол-связка имеет основу потенциала *liene-*, *lienö-*. Лишь в отдельных южнокарельских диалектах может выступать основа *olle-*, *ollo-*. В них *liene-*, употребляемая самостоятельно, приобрела новое семантическое значение "становиться", напр.: (Толмачи) *lienöv lašta, kun tühjeä kätüttä liekutat* (KKN I, 91) 'будет ребенок, поскольку ты качаешь пустую колыбель'.

Отрицательные формы перфекта потенциала строятся посредством личных отрицательных форм глагола "быть" в потенциале и II причастия актива (в 3 л.мн.числа - II причастия пассива) от смыслового глагола, напр.: *en liene vienü(n) ~ vienüh* 'возможно, я не унес', *ei liene vietü ~ viedü* 'возможно, они не унесли'.

В заключении реферируемой диссертации делаются основные выводы, касающиеся распространения, функционирования и истории развития исследуемых грамматических категорий, определяются междиалектные различия в их употреблении. Отмечается, что результаты анализа подтверждают правильность деления карельского языка на три наречия: собственно-карельский, ливвиковский и людиковский. В свою очередь, в собственно-карельском наречии определенное языковое единство наблюдается, с одной стороны, в севернокарельских диалектах, с другой стороны, в южнокарельских. Южнокарельские периферийные диалекты имеют ряд специфических особенностей.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Зайков П.М. Лексическая основа глагола в севернокарельских говорах // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1988. С. 3-11.

2. Зайков П.М. Общности в морфологии карельского и саамского языков // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т.2. С.73-75.

3. Зайков П.М. Имперфект в карельском языке // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Summaria dissertationum. Linguistica. Debrecen, 1990. 2A, С.281.

4. Зайков П.М. Морфонологические чередования гласных в системе словоизменения карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1991. С.3-10.

5. Зайков П.М. Об исследовании карельского языка // Вопросы финской филологии. Петрозаводск, 1992. С.3-14.

6. Зайков П.М. Д.В.Бубрих и Диалектологический атлас карельского языка // Д.В.Бубрих. К 100-летию со дня рождения. СПб., 1992. С.54-61.

7. Зайков П.М. Грамматическая основа глагола в севернокарельских говорах // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1994. С.4-19.

8. Зайков П.М. Диалекты карельского языка // Карельский этнос: история и перспективы развития. Олонец, 1996. С.15-17.

9. Зайков П.М. Морфонологическая нагрузка / s / - / š / в севернокарельских говорах // XVI Всесоюзная финноугорская конференция. Устинов, 1987. С.78-80.

10. Зайков П.М. Дистрибуция окончаний императива в диалектах карельского языка // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II, Jyväskylä, 1995. С.136-137.

11. Зайков П.М. К истории развития императива (повелительного наклонения) в карельском языке // 50 лет Карельскому научному центру Российской Академии Наук. Юбилейная научная конференция. Петрозаводск, 1996. С.212-214.

12. Zaikov P. Karjalan kielen murteoppiä (Диалектология карельского языка). Petroskoi, 1987. 128 с.

13. Zaikov P. Karjalan kielen kielioppi. I. (Грамматика карельского языка. I.) Petroskoi, 1992. 103 с.

14. Zaikov P. Karjalan kielen kielioppi. II. (Грамматика карельского языка. II.) Petroskoi, 1993. 87 с.

15. Zaikov P. Karjalan murteiden imperatiivin päätteiden distribuutio. // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II, Jyväskylä, 1995. S.232-235.

16. Näytteitä karjalan kielestä - Образцы карельской речи. I. Joensuu - Петрозаводск, 1994. S.29-85.

17. Zaikov P. Vienan aarini (Букварь карельского языка). Petroskoi, 1992. 110 с.

18. Zaikov P. Kaunistaja karjalua (Книга для чтения на карельском языке). Petroskoi, 1993. 115 с.

19. Zaikov P. Luemme vienankarjalaksi (Говорим по севернокарельски). Petroskoi, 1995. 167 с.

20. Zaikov P. Morphologische Gemeinsamkeiten der karelischen und lappischen Sprache // Congressus Sextus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. Syktyvkar, 1985. S.20.

21. Zaikov P. Karjalan kielen opetus ja käyttö nykypäivänä // Koltat, karjalaiset ja setukaiset. Snellman-Instituutti. A-Sarja. Kuopio, 1995. S.109-115.

22. Zaikov P. Varsinaiskarjalaiset // Karjalan heimo. 1995. N 7-8. S.112.

23. Zaikov P. Kommenttipuheenvuoro H.Leskisen esitelmään "Vepsän, karjalan ja inkeröisen asemasta kolmen äännepiirin valossa." // Itämerensuomalaiset kielikontaktit / Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja. Helsinki, 1990. N 61. S.82-83.

24. Zaikov P. Karjalan kielen muistomerkkejä // Punalippu, 1990. N 2. S.120-121.